

УБОГИЙ ГЕОРГИЙ СФРАНДЗИ, ПРОТОВЕСТИАРИТ, [1] ГРИГОРИЙ МОНАХ, НАПИСАЛ ЭТО О СЕБЕ И О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ ЗА ВРЕМЯ ЕГО НЕСЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Хорошо было бы мне не родиться или умереть ребенком. [2] Поскольку этого не произошло, да будет известно, что родился я в 6909 году 30 августа, во вторник; [3] крещен же был благочестивейшей и святой Фомаидой, о которой в надлежащем месте мы намерены поведать правду.[4]

I,1. И в 28 день месяца июля десятого года был убит Тимуром султан Баязид;[5] этот Баязид был пятым правителем в своем роду. Первым был Эртогрул, а вторым Отман, от которого и произошли Агумалиды; третьим - Орхан, четвертым - Мурад, пятым - Баязид, шестым - Мехмед, седьмым - Мурад, восьмым - Мехмед, [6] который нас захватил в плен и изгнал из Константинополя.

II,1. В начале 12-го года [7] возвратился с Запада в Константинополь святой василевс кир Мануил Палеолог.[8]

2. И в 13-й год [9] месяца февраля 8 дня родился у него второй Константин, который также становится василевсом.[10]

III,1. Начиная с 12-го и до 21-го года [11] произошло много знаменательных и достойных упоминания событий: я говорю о прибытии на Запад пятерых сыновей султана Баязида - Мусульмана, Мосе, Йесе, Мехмеда и Юсуфа, который стал христианином и получил имя Димитрий; о смерти василевса кир Иоанна [12] в Фессалонике и о прибытии туда его дяди святого василевса кир Мануила, и об установлении в Фессалонике власти его сына деспота [13] кир Андроника; и о смерти деспота кир Феодора [14] порфирородного [15] в Мистре и о приезде в Морею его брата, святого василевса кир Мануила; и о гибели султана Мусульмана [16] от руки его брата Мосе, [17] и о трехлетней войне этого Мосе со святым василевсом кир Мануилом; и об ослеплении в окрестностях Лариссы Орхана, сына Мусульмана; и о прибытии с Востока на Запад его брата Мехмеда-Кюрюджи, о его поражении и возвращении на Восток и вновь об отправлении его через Константинополь на Запад, его победе и смерти Мосе, и еще о смерти в Монемасии Константина - второго сына [18] святого василевса кир Мануила, а также двух его дочерей; и о рождении в Константинополе царевича кир Михаила и смерти его от чумы и о подобной же смерти челеби кир Димитрия; и о рождении царевича кир Димитрия и царевича кир Фомы; и о некоторых других значительных событиях. Однако поскольку все это из-за несовершенного моего возраста я не знал хорошо и точно - в каком году и месяце произошло и как, - я обхожу молчанием.

IV. 1. В месяце июле 21 года выехал из Константинополя и отправился на остров Фасос святой василевс кир Мануил и достиг его в сентябре 22 года. Затем оттуда отправился в Фессалонику и в Морею [19] и отстроил Эксамилион.[20]

2. Ибо в марте 22 года [21] он благополучно прибыл в порт, называемый Кенхреи.[22] И в 8 день месяца апреля начал расчищать и восстанавливать этот Эксамилион, который составляет в длину 3800 ургиев.[23] Он возвел на нем 153 башни. Была найдена надпись на мраморе, гласящая: «Свет от света, истинный бог от истинного бога, храни автократора Юстиниана и верного раба его Викторина и всех населяющих Элладу, от бога живущих».[24]

3. И в марте месяце 24 года [25] он возвратился в Константинополь. В том же месяце, после возвращения этого святого василевса, умер патриарх кир Евфимий; [26] и 21 мая того же года патриархом стал митрополит Эфеса кир Иосиф.[27]

4. И в 25 году, осенью, [28] отправился в Морею василевс кир Иоанн; [29] и тогда же, проезжая через Фессалонику, он взял Мустафу, мнимого сына Баязида, [30] преследуемого его якобы братом Мехмедом, и отправил на Лемнос, а затем в Мистру.

V, 1. Зимой того же года [31] начался мор на Черном море; среди находившихся там со своими семьями комендантов в одной из крепостей был мой зять Григорий Палеолог Мамона, прекраснейший человек, сын великого дуки Мамоны, некогда владельца Монемазии и ее окрестностей, вместе со своей женой, моей сестрой, и дочерью; первым умер ребенок, через 7 дней после ребенка - отец, а спустя семь дней после отца - мать, а также шестеро из их слуг, мужчин и женщин, так что осталось лишь двое из них. Приехав в Константинополь, они рассказали в один голос об этом моим несчастным родителям, которые не смогли пережить этого известия: и если оно не убило их сразу, то они, обессиленные, скончались позже; все это и послужило причиной того, что родитель мой не поехал в Морею с царевичем Фомой в качестве его воспитателя, а я - его эпитрапезия и келлиота, [32] как было предписано нам святым василевсом, отцом царевича; мы собирались еще и потому, что старший брат мой был в Морее вместе с василевсом Иоанном. Младший же мой брат после смерти старшего, оставив отца, мать и братьев, стал монахом в монастыре, называемом Харсианит, [33] в котором пребывал и истинный учитель кир Иосиф.[34]

2. Поскольку весной и летом мор начался и в Константинополе, в августе умерла от чумы и деспина [35] кира Анна из России [36] и была похоронена в Ливском монастыре.[37]

VI, 1. И в начале 26 года [38] был послан в Морею отцом своим святым василевсом царевич кир Фома; в том же году возвратился в Константинополь василевс кир Иоанн. И меня святой василевс отец его ввел в свои покои 17 марта, когда мне было 16 с половиной лет, ему же - 69 с половиной.

2. И в 27 году в месяце ноябре [39] прибыла в Константинополь деспина кира София, дочь маркиза Монферратского. И в 19 день января того же года [40] был благословлен и обвенчан с нею в святой Софии [41] василевс кир Иоанн; и венчание это поистине превратилось в празднество празднеств и торжество торжеств.

VII, 1. И в 28 году [42] прибыл султан Кюрюджи-Мехмед, [43] чтобы от стен Константинополя переправиться на Восток; и заранее тайно узнавшие от его людей, что он направляется туда для устройства дел на Востоке, и по возвращении имеет цель и стремление пойти против Константинополя, все посвященные в тайну святого василевса архонты и кое-кто из духовенства побуждали и советовали святому василевсу схватить его. Он же никак не соглашался, говоря: «Я нарушу клятву, которую дал ему, даже если бы убедился, что он собирается захватить нас в плен, когда будет здесь; если же, напротив, он нарушит свои клятвы, остается уповать на бога, который много сильнее его».

2. По этой причине он и не отправил никого из своих сыновей навстречу этому нечестивцу, а лишь прекрасного человека Димитрия Леондариса, Исакия Асана и протостратора Мануила Кантакузина, вместе с многочисленными сыновьями архонтов, воинами и дарами; они и встретились с ним близ Кутуллона и ехали с ним до Диплокиониона; [44] на протяжении всего пути он беседовал с Леондарисом.

3. Там, в Диплокионионе, находился святой василевс и его сыновья, а также галера для его переправы, и он взошел на нее. Уже в море они с галер приветствовали друг друга и, беседуя, приплыли в то место на азиатском берегу, которое теперь называется Скутарион, [45] прежде же называлось Хрисополис. И сойдя с галеры, он вошел в приготовленный для него шатер. Василевсы [46] же ели и пили на галерах и обменивались с султаном яствами; к вечеру он верхом отправился по дороге, ведущей к Никомидии, а василевсы возвратились домой.

4. Весной того же года, [47] возвратившись на Запад, он через Каллиполи отправился в Адрианополь. Святой же василевс, снарядив Димитрия Леондариса, послал его к султану, чтобы он разузнал о его намерениях и сообщил о них, и напомнил ему о любви и почестях, которые ему были оказаны, и о переправе, и о самом посланце, я имею в виду его личность и дары, которые он доставлял.[48] Султан принял его с величайшим почетом и любовью и под конец сказал ему: «Несколько дней я чувствую себя нездоровым, однако я поправлюсь, и мы будем вместе есть, пить и беседовать». Однако через три дня он умер.[49]

VIII, 1. И Леондариса о случившемся не известили, он же находился в своем шатре и удивлялся, почему государь не приглашает его, чтобы выслушать его дело. Он узнал о его смерти почти в тот час, когда тайно перекрыли дороги, ведущие в Константинополь, и хотя Леондарис послал многих гонцов,

им не удалось пройти. И миновали дни, и вслед за этим раскрылся тайный замысел против Константинополя; и возникло много шума, тревог и мыслей, и святой василевс получил много упреков от тех, кто советовал ему, находившемуся из-за чумы в монастыре Перивлепты, [50] захватить султана.

2. Лишь только, когда по другой дороге, ведущей в Месемврию, послал Леондарис человека, и оттуда он, проплыв по морю, привез письмо с известием, что султан умер, и случилось поистине так: «вечером водворяется плач, а на утро радость».[51]

3. И вот впали в другое беспокойство, и появились другие мысли и заботы: заключить ли союз с сыном султана Мурадом и предоставить ему стать правителем, как и было в их клятвенном договоре, или привезти из Мистры Мустафу и сделать его правителем на Западе, а Мурада - правителем на Востоке. Святой василевс-отец [52] советовал и считал справедливым по многим причинам первое, сын же его [53] и Димитрий Кантакузин считали, что следует сделать второе и что тогда Мустафа отдаст им Каллиполи; в конце концов, как бы уступая, святой василевс передал полномочия своему сыну, говоря: «Делай, как хочешь, ибо я, сын мой, стар и слаб и близок к смерти, а царство и его дела я передал тебе, и ты поступай, как хочешь».[54]

IX, 1. И в месяце сентябре 29 года [55] василевс кир Иоанн отправился на галерах в Каллиполи, и привезя султана Мустафу из Мореи, сделал его правителем на Западе (и Каллиполи приветствовал его, и через несколько дней василевс, согласно обещанию, потребовал город, Мустафа же ответил: «Все турки говорят, что наша вера - в Каллиполи, и мы никак не можем отдать его»), в то время как Мурад с Востока через послов неоднократно просил и требовал этого.

2. В начале зимы того же года [56] переправился на Запад в верхней части Босфора [57] Баязид, человек полезный, бейлербей, бывший визирем у отца Мурада и правителем Анкиры, с целью подчинить, если сможет, власти Мурада Запад. И Мустафа вновь выступил из Каллиполи, чтобы одолеть его; и возле Адрианополя он схватил этого Баязида, убил его и захватил всю власть над нечестивыми на Западе.

3. И возвратившись в Каллиполи, Мустафа в том же году переправился на Восток, выступив против своего племянника Мурада, находящегося в Прусе, и, побежденный им, возвратился на Запад.[58]

4. И летом того же года сам Мурад переправился на гонуэзских кораблях и, преследуя своего дядю, настиг и убил его в начале 30-го года.[59]

X, 1. И 8 июня того же года [60] он послал Михалбея и блокировал Константинополь, а в 15-й день того же месяца прибыл и сам Мурад, его господин, и осадил город, [61] приведя с собой закованных апокрисиариев, которых перед этим послали к нему для заключения мира - Димитрия Кантакузина, Матфея Ласкариса и грамматика Ангела Филомматиса.[62]

2. И в 22-й день месяца августа он предпринял общий штурм города. И в 6 день месяца сентября 31 года, [63] не добившись, с божьей помощью, успеха, он отошел от Константинополя.

XI, 1. И в 30 день того же месяца явился Мустафопулос, брат этого Мурада, и переправился в Константинополь и остановился у царского дворца, а назавтра, 1 октября, явился на поклон к василевсам.

2. И в тот же день после обеда случился односторонний паралич у святого василевса кир Мануила. Увидев его, прибывшие с Востока с Мустафопулосом турки, пораженные одним его видом, с удивлением говорили, что он похож на основоположника их веры Магомета; как некогда и Баязид, враг его, сказал о нем, что даже тот, кто не знает, что он василевс, по одному только виду сказал бы, что «ему пристало быть царем».

3. А Мустафопулос, проведя напрасно из-за случившегося со святым василевсом еще несколько дней в Константинополе, наконец отправился в Силимврию, пробыв там недолго, возвратился в Константинополь и, миновав его, уехал в Прусу. Весной того же года [64] переправился на Восток и брат Мустафопулоса; выступив против него, он убил его, воспользовавшись предательством приближенных.

ХII,1. И в мае того же года Турхан разрушил Эксамилион в Морее и истребил многих албанцев.[65]

2. И летом того же года бежал царевич кир Димитрий вместе с Иларионом Дориа и его зятем Гиурги Изаулом, и прибыли они в Галату, чтобы перейти к туркам, однако отправились не к ним, а в Венгрию.[66]

3. И в 15 день ноября 32 года василевс кир Иоанн отправился в Италию и Венгрию, [67] сделав деспотом своего брата царевича кир Константина и оставив его в Константинополе вместо себя.

4. А в 22 день месяца февраля того же года мы заключили мирный договор с султаном Мурадом; [68] послами при этом были Лука Нотара, ставший впоследствии мегадуккой, Мелахринос Мануил и я по следующим причинам: Мелахринос ездил заранее к султану и узнал, что он хочет заключения мира, Нотара - чтобы заключить его на возможно лучших условиях, как человек полезный и подходящий; я же - как посланец от святой деспины, родственницы этого султана со стороны его матери и чтобы, если понадобится, писать шифрованные письма святому василевсу и его сыну-василевсу, находящемуся в Венгрии.

ХIII,1. И в конце октября месяца 33 года [69] возвратился в Константинополь из местности на реке Дунае, называемой Келлион, василевс кир Иоанн, после того, как из Константинополя за ним отплыли галеры.

2. Ибо он заранее послал из Венгрии посуху с написанным шифром [70] питтакием гонца, иноязычного и иноплеменного. Прибыв, он стал добиваться свидания с василевсом, [71] потому что имел сообщить нечто важное. Но как могло случиться, чтобы этот человек увидел василевса больным, прикованным к постели и к тому же с глазу на глаз? После долгого обсуждения были посланы к нему, наконец, два келлиота, моих товарища, которые сказали: «Или передай все, что ты хочешь, ему», - указав на меня, - «или ступай, куда хочешь».

3. Тогда, отведав меня в сторону, он отдал мне шифрованное письмо и объяснил, откуда и когда он выехал. После того как я определил шифр и отправился прочесть его, я объявил, что прошу вознаграждения, так как мне предстоит сообщить радостную весть; при этом находилась и святая деспина и ее невестка, [72] деспот [73] же в это время был на охоте. И когда я прочитал, что василевс Иоанн здоров и благополучно отбыл в направлении Великой Влахии и чтобы в местность, называемую Келлион, вышли за ним галеры, все очень обрадовались.

4. И немного спустя святой василевс приказал своему рухарю: [74] «Выдай Сфрандзи кафтан из парчи свинцового цвета на беличьем меху, и пусть получит сундук, который он просил у меня». Так в моих руках оказался прекрасный большой сундук, наполненный многими хорошими вещами, одни из которых были предназначены его сыновьям, а другие - на помин его святой души. И вот выпросил я сундук и сказал он мне: «Сундук этот принадлежал прежде господину моему, василевсу отцу моему, и вместе с благословением его получил я в нем много красивых вещей, гораздо больше, чем ты видел, и я тоже хотел передать его моему сыну василевсу, чтобы он хранил в нем с моим благословением свои вещи». Теперь же приказал, чтобы сундук был моим, и я получил его вместе с его святым благословением, наполненным всем нужным и ценным в этой суетной жизни. А святая деспина велит принести мне красивую парчу из Прусы, молодая же деспина объявила: «Одно из моих платьев, когда ты женишься, будет принадлежать твоей жене».[75]

ХIV,1. А в 21 день месяца июля того же года [76] умер ставший в блаженном слове незабвенным благочестивый василевс кир Мануил, переименованный в божественной ангельской схиме двумя днями раньше в монаха Матфея, и был похоронен в тот же день в прекрасном священном царском монастыре Пантократора [77] со скорбью и при стечении народа, какого никогда не бывало в других подобных случаях. Всего же он прожил 77 лет и 25 дней.

2. И в 34 году, в августе месяце, [78] бежав, уехала к себе на родину деспина кира София.

3. И в 35 году, 29 августа, [79] привезли из Трапезунда на галерах киру Марию Комнину - дочь василевса Трапезунда кир Алексея Комнина.[80]

4. И в 36 году в месяце сентябре [81] обвенчался с нею василевс кир Иоанн.

XV, 1. И в том же году в ноябре месяце сам василевс выехал из Константинополя со своим братом деспотом кир Константином и 26 декабря прибыл в Морею, чтобы кир Константин остался в Морее как господин, ибо их брат деспот кир Феодор [82] решил стать монахом, однако он передумал и монахом не стал.

2. С ними и я впервые отправился в Морею, находясь на службе у василевса, но надеясь перейти к деспоту кир Константину по следующей причине: незадолго до смерти их покойный незабвенный отец приказал мне, и я лично записал не завещание его - ибо василевсы не завещают, а предписывают, - чтобы каждый из его сыновей владел этот тем-то, другой тем-то из его личных ценных вещей, а остальное его имущество чтобы было разделено на четыре части: на его панихиду и литургию сверх обычного, каковые службы и были совершены пышно и хорошо на его средства и из государственных доходов; на бедных, на врачей и на его келлиотов; [83] душеприказчиками же чтобы были его духовник Макарий из обители Ксанфопулов, [84] иудей по происхождению, учитель Иосиф из монастыря Харсианит и я.

3. И это распоряжение было прочитано мною в присутствии только его, святой деспины и их сына василевса, и затем сказал он своему сыну: «Сын мой, ты слышал, что я приказываю вам относительно моих личных слуг, которые ухаживают за мной, ибо написано: «келлиоты же мои, которые хорошо и преданно мне служили и, как и подобает, благожелательно ко мне настроенные, пусть пользуются соответствующими каждому любовью, покровительством и заботой всех моих сыновей».

4. Но особо я говорю тебе о Сфрандзи, который хорошо служил мне и заботился обо мне во всем, что касается моей души и тела, и теперь в мои болезни больше других заботится обо мне; я думаю, что и после моей смерти все, касающееся моей души, он хорошо устроит. Однако его молодость и моя старость не позволили мне сделать для него что-то достойное его любви и службы. Оставляю же его тебе и да пребудет с тобой мое благословение; пусть будет ему оказано тобой, что он заслужил, что бы было сделано, но не было сделано мною по названным причинам».

5. А так как с деспотом кир Константином связывала меня дружба и полное доверие, которым благоволил бог (ведь брат моего отца был его воспитателем, а его сыновья и я вместе с ними - товарищами, друзьями и слугами его, затем пришло время и меня сделали приближенным его покойного незабвенного отца, и то многое и необходимое, в чем он нуждался, получал через меня), то он особенно хотел, чтобы я был у него на службе.

6. В доме василевсов был обычай и порядок, по которому келлиоты отца могли входить в покои его сыновей, келлиоты же сыновей в отцовские - нет, но до тех пор, пока жив отец, но не после его смерти. Когда умер блаженный незабвенный отец, после первой панихиды возвратились мы все, его келлиоты, во дворец - ибо существует такой обычай, что келлиоты василевса остаются у его могилы вплоть до первой панихиды, - я пошел к дому, в котором жил упомянутый деспот кир Константин, и сел, как многие, снаружи.

7. Узнав об этом, он послал моего дядю и велел сказать мне «Ты не нарушил порядок и не вошел в мои покои прямо, как делал это при жизни моего господина василевса, моего отца, однако мы в долгу перед тобой за любовь к нему и службу нам, поэтому снова жалуем тебе право прямо входить в мои покои, как и прежде, поскольку ты будешь на службе у моего брата василевса».

8. Итак, мне было приказано его братом василевсом сопровождать его в поездке в Морею. По причине, которую мы объяснили выше, наедине Константин сказал мне: «Пусть будет так, но я хочу, чтобы тебе было можно быть при мне». И я ему сказал: «Я этого хочу гораздо больше. Разумеется, если только это будет с согласия и по приказу твоего брата господина василевса». Итак, он попросил об этом для себя своего брата, умоляя словами и мотивируя необходимыми причинами, которые убедили бы его, что он нуждается во мне. А тот возразил, что просьба эта невыполнима не из-за чего-либо другого, а из-за приказа их отца, устно поручившего меня ему. Константин же снова просил об этом через их мать, святую деспину, а кроме того через его советников. И только тогда он приказал: «Пусть Сфрандзи едет с нами, и если мой брат останется в Морее, я позволю ему состоять при нем, ведь даже моя госпожа деспина сказала мне об этом и позволяет это. Если же брат мой возвратится со мной сюда, то он будет не иначе как при мне: так приказал мой отец, мой господин василевс, и было бы справедливо поступить, как велел он».

XVI,1. Прибыв в Морею, я находился в полном подчинении у одного, как сказал выше, но любовь и надежды связывал с другим. Благополучно достигнув Мореи, все господа братья двинулись в те земли, которыми в Морее владел деспот Карл; [85] в конце концов ни у них не осталось сил, чтобы суметь подчинить себе всю территорию, принадлежавшую Карлу, ни у него самого, чтобы суметь отстоять остатки владений, которые он еще удерживал, ибо наши господа захватили часть его земель. [86] Наилучшим оказалось, чтобы деспот кир Константин женился на племяннице этого деспота Карла, [87] а крепости, которыми тот владел в Морее, взял как ее приданое. Когда этот план был осуществлен, я 1 мая того же года был послан управляющим в Гларенцу, [88] а другие - в иные крепости.

2. Возвратившись в Мистру, все занялись монашескими делами деспота кир Феодора.

3. Однако для того, чтобы захватить, если возможно, Патры, [89] важное и выгодное место, и чтобы не быть в Мистре, когда их брат собрался стать монахом, три брата, [90] выступив 1 июля того же года, двинулись против Патр. И разбив лагерь возле патрасских мельниц, привезли туда племянницу деспота Карла киру Феодору, [91] и там же деспот кир Константин обвенчался с ней.

4. В Патрах же ничего, что касается взятия, достигнуто не было, и причиной этого было, пожалуй, то, что их брат кир Феодор остался в Мистре, отказавшись от своего прежнего намерения, [92] что стало причиной многих бед.

5. Поскольку в патрасских делах нужный результат не был достигнут, а были взяты лишь три крепостцы, то, заключив мир с патрасцами и договорившись, что они будут ежегодно выплачивать деспоту кир Константину 500 флоринов, сняв лагерь, все разъехались: василевс - по одной дороге в Мистру, а деспот Константин со своей женой василиссой [93] по другой в Хлумуци.

6. А некоторое время спустя, когда василевс пожелал возвратиться назад домой, его брат, извещенный об этом, тоже отправился из Хлумуци в Мистру. Там оба брата пробыли несколько дней, а в октябре месяце 37 года все вместе отправились верхом до Коринфа. И василевс на галерах отплыл в Константинополь, а деспот Феодор отправился обратно по той же дороге в Мистру, царевич кир Фома, проехав с ним до определенного места, отправился в Калавриту.

7. Мы же с нашим господином деспотом кир Константином прибыли по другой дороге в Востицу. Ибо, хотя деспот кир Феодор монахом не стал и поэтому все его владения не перешли к его брату кир Константину, он все-таки отдал ему Востицу, а в другой части - земли, где был управляющим протостратор [94] Франгопул, а именно: Андрусу, Каламату, Пидиму, Мани, Ниси, Спитали, Гребени, Аэнос, Лои, Неокастрон, Архангелос и многие другие, которые я, посланный деспотом, принял у упомянутого протостратора.

8. И в том же году, 4 марта, [95] умер деспот кир Андроник, [96] в божественной схиме принявший имя Акакий. Он был похоронен в монастыре Пантократора. в котором и жил.

XVII,1. Мой господин деспот тайно советовался со мной одним, как нам захватить Патры: если мы возьмём их, то останемся в Морее, а владения Константина на Черном море будут отданы его брату василевсу. Если же мы не возьмём Патры, то уедем обратно в Константинополь, и он сохранит за собой здесь в Морее крепости, полученные в приданое, и владения там, то есть на Черном море. А крепости, переданные деспотом, [97] будут вновь отданы: какие - решает василевс. И затем случилось то, что отчасти было подтверждением тайного замысла.

2. Выехав из Востицы по патрасской дороге, мы отправились в Гларенцу и Хлумуци, где находилась василисса. Андроник Ласкарис Падиатис был послан по кое-каким делам к архонтам в Патры, и пока он там находился, с ним встретились отдельно священник и миряне, относительно того, что если его господин желает, то у них есть способ сделать так, чтобы он овладел Патрами. Однако, поговорив с другими, Ласкарис отклонил тайные предложения патрасцев, выслушав и сочтя их невозможными и излишними.

3. Тот же Андроник Ласкарис был послан управляющим в Андрусу, а другие архонты - также управляющими, в тамошние крепости; что касается первого архонта дома Константина, Алексея Ласкариса, то он получил в управление Востицу и остался там.

4. Переехав, как я уже говорил, мой господин деспот со мной одним приступил к осуществлению планов, касающихся Патр: находясь в Гларенце, мы часто писали тем, кто встречался по этому делу с Падиатисом, и они нам неоднократно отвечали, однако мы решили, что для нас это неприемлемо, что в дальнейшем подтвердилось.

5. Наконец, было решено, что мы выступим и с наступлением ночи прибудем к месту, недалеко от границ патрасских виноградников, называемому «у трех церквей», ибо в старину там стояли церкви. Там же будут находиться и люди, которые подробно сообщат о том, что обсуждалось в переписке. И если возможно, то пусть город будет сдан, если же нет - то мы выступим открыто, блокируем крепость, и будь что будет.

6. И вот мы написали приказы всем управляющим в окрестностях Андрусы, чтобы 15 марта этого года каждый из них явился с оружием и множеством людей своей области, чтобы новый господин этой местности подобающим образом проехал через земли принцепса [98] и прибыл в окрестности Андрусы. О том же был извещен Ласкарис в Востице.

7. Но поскольку мы верхом уехали не по дороге вдоль Алфея, а по левой стороне, прибывшие недоумевали и спрашивали друг друга: «Куда нам ехать?» Мы же, приехав к условленному месту ко времени пения петухов, встретившись с людьми и видя, что они ничего не достигли и говорят неприемлемое, отослали их. Дождавшись там рассвета, мы посоветались, что же нам делать: войску напасть внезапно и захватить людей, находящихся вне крепостных стен, а также все еврейское поселение - по многим причинам показалось невозможным. Но вот, увидев нас из крепости и недоумевая, что же происходит, ибо не предполагали происходящего, жители послали одного из архонтов и одного каноника по имени Марк с переводчиком [99] и людьми, чтобы они узнали, кто мы и зачем явились. Когда же увидели, кто это и услышали, что мы пришли для того, чтобы либо они нам сдали крепость, либо чтобы взять ее самим, каким сможем способом, поспешно возвратились, забили тревогу, и все, кто был снаружи, быстро собрались внутри стен. А назавтра (это был праздник - вербное воскресенье) мы все, нарезав миртовых веток - а их в этой местности было много - и неся их в руках, подошли и остановились у ворот крепости.

8. 26 марта, после службы в великую субботу, [100] поев, мы сидели, беседуя о разном, в шатре моего господина. Но вдруг из Еврейских или Пахотных ворот (ибо они и так называются) на нас напало несколько всадников, которых отогнали, как только они появились, и они ускакали и укрылись за Морскими воротами. Там были наготове все жители крепости с санграми, луками и кольями. А когда деспот и я оказались впереди преследователей тех всадников - так как наши лошади оказались случайно наготове возле моста на дороге, ведущей к церкви св. Андрея, - какой-то патрасец выстрелил в лошадь деспота так, что она тотчас же пала. И когда они подбежали, чтобы или убить его, или взять в плен, я защитил его, и он с божьей помощью высвободился из-под лошади и бежал пеший.

9. Я же ударил одного и даже схватил его, сына Стамателло, но и меня били; били и меня и моего коня столько, что он без сил упал и придавил меня. Прекрасный конь, которого султан дал Исааку Асану, когда встретился с ним, Асан же - своему зятю Георгию Филантропину, а тот - своему племяннику Комнину, зятю протостратора Кантакузина; а когда он бежал на этом коне в Галату, мой брат настиг и схватил его, а в награду получил от василевса его коня. Я же взял его у него, отправляясь в Морею.

10. Итак, меня, израненного, схватили, повели и бросили в башню, в темное помещение, с муравьями, долгоносиками и мышами, так как прежде в нем был хлебный склад. Надели на меня железные колодки, а на левую ногу - крепкую цепь, прикрепленную к большому колу. И я лежал в этой темнице, тяжело страдая от ран, от оков, жесткого ложа и от других неудобств, которые имело это помещение, на которые я указал выше.

XVIII,1. Здесь же следует рассказать и о благочестивейшей Фомаиде. Она происходила из хорошего рода из Анатолии. Когда она осиротела, родственники привезли ее в Константинополь и отдали сестре трех архиереев, братьев Кавасила, матери мудрейшего Николая Кавасилы: [101]

2. Она содержала и воспитывала ее, а через некоторое время уехала в Фессалонику, когда епископом там был ее брат Нил Кавасила. И они поселились в монастыре св. Феодоры вместе с Палеологиней, добродетельной и образованной женщиной, о которой я часто слышал от незабвенного василевса кир

Мануила много похвал; и я читал множество канонов ее сочинения в честь св. Димитрия, св. Феодоры и других святых. У них жила и воспитывалась в добродетели и в знании святая Фомаида.

3. А когда наступила их кончина, они ей завещали все, особенно же жену Киприана, которая, измученная жестокостью своего мужа, ушла к упомянутым монахиням и стала послушницей. Когда же приблизился их конец, она подчинилась их наследнице как в жизни, так и в добродетели, и хорошо прошла путь повиновения вплоть до смерти. Я говорю о жене Киприана, явившегося в Константинополь и основавшего монастырь в честь святых Феодоров, но называемый Киприановым.

4. Когда же нечестивые захватили Фессалонику, [102] благочестивая Фомаида, уехав оттуда, вместе с подчиненной ей Киприаной прибыла на Лемнос, чтобы оттуда вновь вернуться в Константинополь. А на Лемносе находился мой дед со своей женой и детьми. Увидев её, её добродетель и разум, первая из трех его дочерей, - в то время как самая старшая его дочь [103] осталась в Фессалонике вместе со своим мужем и детьми, - покинув родителей, сестер, братьев и того, кто был предназначен ей в мужья, ушла и стала монахиней в подчинении у этой святой. Уехав оттуда и прибыв втроем в Константинополь, они остановились сначала в монастыре, называемом Клерена.

5. Молва о добродетели этой святой и знании Священного писания дошла до василевса, патриарха и до всех в городе, и василевс предлагал ей взять монастырь побольше и более доходный, и чтобы патриарх дал ей наставление духовной власти над теми женщинами города, которые пожелают, и чтобы горожане приходили, смотрели и поклонялись им себе на пользу, ибо не было у них ни золота, ни серебра, и ничего другого, кроме рукоделия и божьего попечения через архонтов.

6. Но она взяла какое-то небольшое местечко, и к ней стеклось столько послушниц, сколько не было ни в Ливском монастыре, ни в монастыре Кирамарфы, она же приняла не более двенадцати. И так они пребывали в бедности, послушании, мудрости и во всем, что угодно богу, так что в городе стали говорить не «святая», а «святые», и это считали названием для них. А об общности пищи, одежды монахинь, об отсутствии какой-либо собственности, о том, что они не делали даже малости ни для общей, ни для собственной пользы без отпущения грехов, о том, что ходят босые, мало едят и лежат на земле, живут в бедности, и об остальном, что является свидетельством добродетели, говорить излишне. А также и об их святой духовной матери, о пожертвованиях для нее и внимании со стороны василевса и деспин, [104] архонтов и архонтисс - одних за исповедь, других за молитву и созерцание - кто смог бы подробно рассказать об этом, о ее добродетели?

7. Мы расскажем только один совершенно достоверный случай. В упомянутую великую субботу, в которую со мной произошло то, о чем я рассказывал, сидя после обряда литургии в церкви вместе со всеми своими монахинями и ожидая, чтобы немного спустя отведать причастия просфорой, а затем приступить к чтению Деяний апостолов, святая сказала: «Монахини, встаньте!» Они же спросили: «Какая тебе в том нужда, святая наша госпожа?» А она ответила: «Кир Георгию явилось искушение, помолимся богородице за него». Услышав это, все, прежде всего сестры моей матери - ибо и другая, младшая сестра тоже стала монахиней и её доброй слугой - подбежали к ней со слезами: «Что случилось, святая наша госпожа?» Она же им: «Не шумите, бог, попустивший искушение, подаст и помощь и прекращение этого искушения». И они стоя со слезами запели молитву богородице. Что лучше этого свидетельствует о ее добродетели и причастности к богу?

8. Так и прожила она хорошо, и много доказательств ее добродетели проявил господь, и наконец пришла ее смерть, праведная перед богом и людьми. Несколько дней она испытывала небольшое недомогание, всех вместе наставляла и оставила в подчинение сестре моей матери, которая была у нее первой в добродетели и послушании, и все дела их обители передала ей в управление; потом, словно воспрянув, села с закрытыми глазами, но рот ее все время шевелился, вознося гимны и благодарения богу. Ничего из пищи или питья она не принимала, ни с кем не разговаривала, кроме священника, ежедневно приходившего для ее причащения к божественным таинствам, и тогда, воздев глаза и руки к небу, она причащалась, моля об отпущении грехов. Но василевс кир Иоанн, и деспины, которые и прежде часто к ней приходили, и архонты, и архонтиссы, выдающиеся люди, иеромонахи и монахи пришли теперь ради последнего благословения. Она же качала головой, отпускала грехи и благословляла. И, проведя так семь дней, она предстала перед богом. И была достойно похоронена в присутствии почти всех священников и иеромонахов, архонтов и архонтисс, хотя зван никто не был. И так поистине и было.

XIX, 1. Я провел в заточении сорок дней, когда наступил день поминовения освободителя пленных, то есть великомученика Георгия. Стал я молиться ему: ведь и я Георгий и с детства раб его. А когда я уснул, приснилось мне, что я в знаменитом манганском храме, [105] носящем его имя, и стою в фиале [106] в оковах. Будто бы идя в церковь на службу, мимо прошел василевс, и я стал умолять его, чтобы меня освободили от оков. И василевс вошел в церковь, а какой-то молодой архонт, повернувшись ко мне, сказал: «Наш господин василевс приказал, чтобы с тебя сняли оковы, ибо об этом просила и наша госпожа деспина».

2. И вот ночью, перед рассветом, в необычное время являются архонты крепости и другие люди с инструментами и снимают с меня все оковы, и прося прощения, говорят, что не из враждебных чувств плохо меня кормили, а потому что у самих не было еды. А через два дня, придя вновь, просят меня, и я обращаюсь с письмом к моему господину, чтобы он позволил приехать архонтам для заключения мира, что и было сделано.

3. Заключив соглашение, они отдали ему Саравале с тем условием, что он снимет осаду и уйдет к себе в Гларенцу. И если до конца мая явится их митрополит и господин, [107] то пусть он поступает, как хочет, если же нет - они сдадут крепость. Скрепив договор клятвами и приняв Саравале, он ускакал 5 мая и отступил до границ Склавицы и Риола.

4. За мной же он прислал Иоанна Росату, чтобы тот забрал меня, ибо заключенный договор должен был вступить в силу после моего благополучного освобождения. И освобожденный, но почти полумертвый я приехал туда, где находился мой господин, который встретил меня и с великой радостью, и с грустью: с грустью потому, что я был так слаб, а с радостью, потому что я был освобожден. Он сказал мне много ободряющих слов и похвал, а когда я вошел в свою палатку, мне принесли дары от него: дорогой парчовый двойной зеленый кафтан, привезенный из Лукки, подбитый красивым зеленым сукном, шапку из Фессалоники, подбитую ярко-красным шелком, парчовый кирпичного цвета кавади на толстой подкладке, золотистого цвета парчовые штаны из Прусы, пояс из Прусы и украшенный меч.

5. Назавтра мы отправились в Гларенцу. Но вот через несколько дней султан через своего архонта передал: «Патры платят мне харадж и принадлежат мне. Сними осаду и отойди от них, а иначе мы пошлем войско против тебя». Господин же мой ответил ему: «Мы слышали, что их хотят отдать каталонцам, поэтому нам показалось недопустимым позволить врагам моего брата великого султана и нашим врагам захватить эту крепость посреди наших владений. Поэтому мы и прибыли туда и, разведав положение дел, решили не допустить этого. И вот, как видишь, встали и ушли к себе домой, а через несколько дней я намереваюсь послать к моему брату великому султану вот этого архонта, - он указал на меня, - и он объявит ему многие наши мысли». Турок, выслушав эти слова, и к тому же порядочно задобренный, уехал довольный.

6. А когда он уехал, деспот приказал мне: «Ну, готовь необходимое к дороге» (я не знал еще, что перед этим произошло). А я ответил ему: «Дай бог, чтобы митрополит не приехал и чтобы крепость сдали нам, и я бы немного поправился. Однако все приготовлю для выполнения твоего поручения».

7. 1 июня этого года, [108] когда настал срок и митрополит не явился, мы верхом отправились в Патры. В те же дни царевич кир Фома осадил Халандрицу, крепость принцепса Кентуриона, впоследствии ставшего его тестем. Когда же мой господин и его братья проезжали по дороге, ведущей в Патры, этот его брат прибыл, и они все вместе остановились в Каменице.

8. Когда же об этом узнал находящийся в Халандрице архонт принцепса Иоаннуц Балота, он, испросив разрешения явиться и поклониться обоим господам, приехал. Прибыв, он сразу вынул ключи от крепости и отдал их моему господину со словами: «Ведь эта крепость принадлежит моему господину, свату твоей царственности», - ибо сын принцепса женился на сестре василиссы кыры Феодоры, - «и он приказал мне, чтобы я передал крепость ей». А тот ему ответил: «Получилось так, что место это принадлежит моему родственнику, но не более близкому, чем мой брат. Так вот, если бы он сделал это раньше, то мой брат, мне кажется, не стал бы ничего предпринимать, и я желал овладеть крепостью мирно, но твой господин рассудил иначе. Однако если я возьму её теперь, это приведет к тому, что мы с братом непременно поссоримся. И происходит-то это все не из-за чего-то значительного, а скорее из-за пустика. Однако ступай туда и поступай, как можешь».

9. Выслушав это, он попросил, чтобы деспот пожаловал в свою крепость. И я, получив приказ, отправился вместе с Иоаннуцем Балота и стратиотами. А находящийся недалеко от крепости Фома Рауль [108a] счел этот случай удобным, чтобы отбить его у меня. И появилась опасность возникновения между братьями большой и тягостной войны. Однако, благодаря благоволению бога, и его успешно довез до его крепости, и сам благополучно возвратился и 4 июня вечером нашел своего господина, прибывшего к храму и могиле святого Андрея Первозванного.

10. А в воскресенье, 5-го числа [109] власти крепости и весь народ вышли, и, дойдя до храма упомянутого святого, поклонились моему господину деспоту и отдали ему ключи от крепости. В великой радости представители той и другой стороны верхом въехали в крепость и доехали до домов у церкви святого Николая. Вся дорога была украшена и устлана разными цветами, а справа и слева из всех домов на них сыпали розы и брызгали розовой водой. Однако с высоты башни нас встретили плохо: военными приготовлениями и цанграми, хотя никакого вреда и не причинили. Это приверженцы митрополита, запасшись продовольствием, захватили башню и близлежащие господские дома в надежде, когда митрополит вернется, вновь благодаря этому овладеть тем, чем владели прежде.

11. А на завтра мы и весь народ той местности собрались в церкви святого Николая, и они дали клятву, что будут верными слугами нашему господину деспоту. А меня попросили себе в управляющие, и услышали в ответ: «Поскольку мы многим ему обязаны и по вашей просьбе, он станет вашим главой».

XX,1. И 8 июня я уехал в Навпактос с тем, чтобы сначала отправиться к василевсу и известить его о происшедшем в Патрах, а оттуда вместе с его архонтом - к султану. Ибо 4 числа этого месяца, когда мы дошли и остановились у церкви святого Андрея, тогда же из Навпактоса прибыли два турка - один от султана, другой от Турхана - которые сообщили приказ не брать Патры. Возвращались они вместе со мной, получив такой ответ: «Когда этот мой архонт прибудет к моему брату великому султану, [110] то как он прикажет, так мы и поступим».

2. Когда мы доехали и остановились в Навпактосе, еще не рассвело. И вот туда же прибыл на каталонской галере митрополит Древних Патр Пандольфо Малатеста, ибо когда, проезжая мимо островков, в середине пути он узнал, что крепость отдана деспоту, он высадился на навпактосском берегу, чтобы сначала хорошенько разузнать, что произошло. Мне пришлось остаться там и на завтра, чтобы, во-первых, известить об этом моего господина (что и было сделано, и впервые он узнал об этом от меня), а во-вторых, чтобы по возможности узнать, каковы намерения митрополита.

3. Благодаря посредничеству капитана Навпактоса Бернардо Марчелло, мы встретились друг с другом. Увидев его, я был поражен, насколько он выделялся среди всех людей своей безобразной внешностью. Он стал выведывать, что я собираюсь делать у султана, а я у него -относительно Патр, но, как говорится, я получил от него косточки, а он от меня мох.[111]

4. Однако митрополит вселил в меня много размышлений, дав рабам письма к султану и к Турхану: не обещает ли он отдать некоторые патрасские крепостцы, если ему помогут отвоевать город, или какие-то большие суммы денег? И раздумья мои не прекращались до тех пор, пока я не постарался и, сам много выпив против воли, не напоил рабов настолько, что взял их письма, прочел, переписал, а затем снова их запечатал, и положил на место.

5. А когда я приехал в Константинополь, мне был дан в соапокристиании Марк Палеолог Иагр, тогда протовестиарит, а впоследствии протостратор, который был больше помехой в моей работе, чем помощником. И я не вижу никакой другой причины, кроме той, что «зависть не умеет предпочитать пользу». Отправившись вместе к султану, мы получили ответ: отдать Патры тем, кому они принадлежали. Но тогда я возразил первому визирю и архонту Ибраиму-паше: «Я не осмелюсь сказать это моему господину. Но поскольку он все же послал своего архонта к великому султану, то пусть и султан велит своему рабу, чтобы тот отправился вместе со мной и передал приказания великого султана». И он согласился на это, сказав: «Вы говорите хорошо и разумно». Иагр особенно издевался надо мной из-за этого, будто я, кроме вреда, ничего не добился. Я же с божьего соизволения сделал так, взяв с собой архонта-раба. И это стало первой причиной улаживания патрасских дел.

6. В том же месяце июле того же года в Янине умер деспот Карл.[112]

7. И в 38 году в месяце сентябре [113] в Кратиках [114] родные братья деспоты обручили царевича кир Фому с дочерью принцепса Кентуриона Асана Захарии.
 8. А я в том же месяце вновь возвратился в Трикала к Турхану и окончательно уладил дело, касающееся Патр.
 9. И в том же году в ноябре месяце, находясь в Стамироне, умерла василисса кира Феодора, причинив много горя своему мужу и нам, его слугам, так как была прекрасной женщиной. И была похоронена она сначала в одной из церквей Гларенцы, а затем ее перенесли в Мистру, в монастырь Жизнодавца.
 10. А в январе месяце того же года [115] царевич кир Фома обвенчался в Мистре с кирою Екатериной, дочерью упомянутого принцепса.
- XXI,1. И 26 марта того же года в тот же день и час, когда меня захватили патрасцы, выехав в деспотат [116] в качестве апокрисиария для улаживания спора между племянником деспота Карла, шурином моего господина, и незаконными сыновьями этого Карла - Эркуллом и Меноном, [117] по их просьбе (ибо они заключили клятвенный договор: «Если присланный по нашей просьбе архонт деспота кир Константина как-то рассудит спор между нами, то обе стороны подчинятся его решению»), я вместе со многими людьми и ценным снаряжением неподалеку от острова Святой Мавры был захвачен каталонцами. Некоторое время нас продержали, довезя до Кефаллинии, будто бы для переезда в Неаполь, наконец мы возвратились в Гларенцу, и меня и тех, кто был со мной, продали.
2. В марте же месяце султан Мурад-бей отвоевал у венецианцев Фессалонику.[118]
 3. А мой господин деспот кир Константин в мае того же года овладел патрасским замком, благодаря голоду и другим страданиям находившихся в нем.
 4. 17 июля того же года каталонцы захватили Гларенцу и, продержав ее некоторое время, вновь продали.
 5. И в августе месяце того же года послы василевса кир Иоанна великий стратопедарх Марк Иагр и великий протосинкел и игумен почитаемого царского монастыря Пантократора иеромонах и духовник Макарий, прозванный Макрисом, человек прекраснейший по разуму, добродетели и здравому смыслу, [119] возвращаясь от папы, [120] по приказу василевса сделали деспотом царевича кир Фому.
 6. И в 39 году, в сентябре месяце [121] мне были пожалованы в управление Патры.
 7. И в том же году в октябре месяце бейлербей турок Синан захватил Янину и прилегающую к ней область.
 8. И 26 марта того же года, [122] в тот же день и час, когда со мной произошли описанные выше события, [123] через послание господина моего из Востицы я получил злосчастное известие о том, что минувшего 7 января умер от чумы мой лучший друг Макарий, прозванный Макрисом, в жестоком сердце и надменных и алчных глазах патриарха еретик, в недремлющих же глазах вседержителя и на суде истины ортодокс.[124] Он пришел в Константинополь со Святой Горы и при моем особом участии и содействии получил монастырь Пантократора. Как всем известно, в этом монастыре прежде всего с помощью бога вседержителя, а также при моем и его усердии и заботе развивалось все хорошее, касающееся строительства и украшения.
 9. И в конце весны того же года явился Турхан и к тому же разрушил Эксамилион. А в Патрах начался великий мор.
 10. И 31 января 40 года [125] я по приказу деспота отправился апокрисиарием к василевсу (который мне тогда пожаловал чин протовестиарита) и к султану.
 11. В том же году, примерно в марте месяце произошел обмен владениями между двумя братьями деспотами кир Константином и кир Фомой. И первый забрал Калавриту и все тамошние земли кир Фомы, а последний - Гларенцу и всю область вокруг Андрусы.

12. И в 41 году [126] умерла дочь Малатесты, жена порфирородного деспота кир Феодора кира Клеопа и была похоронена в монастыре Жизнодавца.[127]

13. И в 42 году, 7 января [128] я вновь отправился апокрисиарием к господину Афин Антонио, [129] к султану и к василевсу.

14. В январе же, в ночь на 29, в третьем часу [130] в Константинополе, во Влахернах [131] сгорел прекрасный божественный храм Богоматери, о чем мы услышали по дороге туда на реке, называемой Места, 1 февраля, в час после вечерни большого церковного праздника Сретения. И мы сочли это ложью, так как рассказавший был нам незнаком. И проехав дальше, мы ничего не слышали об этом в пяти монастырях, а в шестом монастыре, в Редестосе, мы узнали точно, как и когда случилось это невероятное событие.

XXII,1. И в начале лета 43 года [132] умер господин Афин и Фив Антонио дель Аччайоли, и по просьбе его жены [133] я был послан с освященным клятвой аргировулом [134] и с множеством стратиотов забрать Афины, а ей передать другую местность в Морее, какую и сколь великую - решать мне. Но нас опередил Турхан: осадил Фивы и через несколько дней взял их, а я, ничего не добившись, повернул обратно от Эксамиллиона, везя с собой это известие.

2. Мой господин деспот находился в Стиларию, ожидая венецианских торговых кораблей, чтобы отправиться в Константинополь. Тут я, потерпевший неудачу, и застал его. Я отправился с ним. И когда мы достигли Эврипа, было принято решение, по которому я отправился к находящемуся в Фивах Турхану и разъяснил ему связанное с Афинами дело.

3. И Турхан клятвенно стал заверять меня: «Ради знакомства и из любви к деспоту и к тебе я бы по добром и с готовностью уступил, чтобы так и было, если бы что-нибудь знал об этом прежде, чем выехал из своего дома и прибыл сюда; ведь сделал это я не по приказу великого господина.[135] Пока я был у себя дома, у меня было для этого много предлогов, теперь же у меня их больше нет». Он был щедр и любезен, привел ко мне на поклон своих сыновей и поручил их мне и моему господину (один из них - и ныне известный великий Амар). И оттуда я вернулся, не добившись успеха.

4. А поскольку опередившие нас люди Турхана подняли мост к Эврипу, [136] то мы невольно остались на скалах возле моста и провели ночь на холоде - было 29 августа - голодные, на голых скалах и в страхе перед ворами из войска Турхана за чужих лошадей, которых мы одолжили в крепости, так что впоследствии возникла поговорка назло бывшим тогда со мной людям.

5. Назавтра же мы взошли на корабли и 23 сентября 44 года [137] прибыли в Константинополь.

6. И 25 марта того же года [138] в Константинополь приехала на царском корабле, который был послан за ней с Мануилом Палеологом, дочь мегадюки Параспондила Зоя. И через несколько дней деспот кир Димитрий обвенчался с ней.

7. На том же корабле в Константинополь прибыл деспот кир Феодор с тем, чтобы находиться в городе как престолонаследник и второй брат василевса. Но василевс невольно предпочитал моего господина кир Константина, в чем часто втайне клятвенно заверял меня; он любил его и желал сделать василевсом, как и покажет дальнейшее повествование.

8. Но поскольку обстоятельства сложились таким образом, он постарался поселить трех остальных братьев в Морее. А мой господин деспот кир Константин вместе со своим братом деспотом кир Фомой (ибо в городе вместе с нами находился первый архонт его дома Михаил Исис Рауль) старались устроить так, чтобы двое находились с василевсом в городе, а они сами вдвоем - господами в Морее.

9. По этой же причине в июне того же года деспот кир Константин, как беглец, выехал из Константинополя в Морею на галере, а я был им послан к султану по этому делу, чтобы склонить его на свою сторону. И я отправился и успешно выполнил поручение и по суше приехал в Морею.

10. Застал же я господ и братьев занятыми великим сражением. Ибо вслед за моим господином кир Константином отправился на корабле кир Феодор и начал войну против двух своих братьев, так что с обеих сторон сошлись войска и между ними началась междоусобная война.

11. В 45 году, [139] когда василевс прислал апокрисиариев - ими были прекрасный и добрый иеромонах Дионисий, [140] ведущий дела и митрополит Сард, и Георгий Дисипат - они отчасти приостановили борьбу. Наконец, когда вновь прибыли другие апокрисиарии василевса - духовник и иеромонах Григорий, [141] впоследствии попечитель и патриарх Константинополя, и все тот же Георгий Дисипат, было заключено соглашение, по которому мой господин деспот кир Константин уедет и будет жить в Константинополе, а деспоты кир Феодор и кир Фома - в Морее.

12. И 5 сентября 46 года [142] мы, то есть я со своим господином, выехали по суше из Патр к Эврипу, а в крепостце Каристос на Эврипе сели на венецианский корабль. На этом же корабле находился Марк, бывший некогда каноником в Патрах, когда мы выступили против них, ставший легатом своего родственника папы Евгения [143] и его апокрисиарием к василевсу. И 24 числа того же месяца сентября мы прибыли в Константинополь.

XXIII,1. И 27 ноября того же года василевс кир Иоанн вместе с патриархом, [144] деспотом кир Димитрием, многими архонтами синклита и церкви и почти со всеми митрополитами и епископами уехал на собор, [145] задуманный не так, как следует.

2. И я говорю так не из-за церковных догматов, ибо судить об этом дано другим; мне же нравится отцовское наследие веры и то, что ни от кого с их стороны [146] я не слышал, что наша вера плоха, но, напротив, что она хорошая и древняя, и у них не плохая, а хорошая.

3. И я бы сказал для примера, что много лет хожу с некоторыми людьми по широкой и просторной улице города Месе, [147] по которой доходили мы до святой Софии. Затем через некоторое время какими-то людьми была найдена другая дорога, ведущая, как они говорят, туда же; и они бы меня убеждали: «Пойди и ты по этой дороге, которую мы нашли; ибо хотя та, по которой ты ходишь, хорошая и древняя и нам с вами издревле известная и проходима, однако и та, которую мы теперь нашли, тоже хорошая». А я бы слышал от одних, что она хорошая, а от других - что нехорошая. Почему бы мне не сказать: «С миром и любовью ступайте, пожалуйста, в святую Софию, как хотите. Я же опять пойду по дороге, по которой и с вами долгое время ходил, и которая и вами, и моими предками признана хорошей и проходимой».

4. Однако не по этой причине сказал я «как не следовало» (ибо я предпочел бы, чтобы у меня остался один глаз, лишь бы по-доброму совершилось объединение церквей), но потому, что это дело с собором стало первой и важной причиной, по которой произошло нападение на Константинополь нечестивых, осада, плен и столь великое наше несчастье.

5. Выслушайте же правдивые слова, причем саму истину призываю я в свидетели. Когда речь зашла о соборе, незабвенный василевс [148] сказал своему сыну василевсу кир Иоанну наедине, и только я при этом присутствовал: «Сын мой, определенно и достоверно известно нам от самих нечестивых, что их очень пугает, как бы мы не договорились и не объединились с франками, ибо они думают, что если это произойдет, то им будет причинено из-за нас большое зло христианами Запада.

6. Так вот о соборе: пекись и хлопочи о нем, и особенно тогда, когда тебе необходимо запугать нечестивых. Но не предпринимай ничего для того, чтобы осуществить его, потому что я не вижу, чтобы наши были способны найти какой-нибудь способ объединения, мира и единодушия, но они стремятся тех обратить к тому, чтобы мы стали как прежде. А поскольку это почти невозможно, боюсь, как бы не произошла еще худшая схизма - и тогда мы раскрылись перед нечестивыми».

7. Но василевс, по-видимому, не согласившись с мнением своего отца, ничего не сказав, встал и вышел. И немного задумавшись, покойный и незабвенный отец его, взглянув на меня, сказал: «Мой сын василевс подходит для василевса, но не нынешнего времени. Ибо видит и замышляет великое, но такое, чего требовали времена благоденствия наших предков, а не сегодняшней день, когда дела у нас обстоят так, что не василевс требуется нашему государству, а хозяин. И я боюсь, как бы из-за его замыслов и предприятий не произошло разрушение этого дома. Ведь я предвидел его замыслы и то, что он думал устроить вместе с Мустафой и видел достигнутые им результаты - к какой опасности они нас привели!»

8. Но он исполнил иначе некогда высказанную волю своего приснопамятного отца. Когда было решено, что он отправится на собор, был послан к султану апокрисиарий Андроник Иагр, чтобы

объявить ему, якобы как другу и брату, об этом. А тот возразил: «Мне не кажется правильным, что он поедет, утруждая себя этим и тратясь. И что он выиграет? Вот я, если он имеет нужду в деньгах из-за расходов, ренты или чего-нибудь другого, относящегося к возмещению его убытков, я готов её удовлетворить». И было много советов и мнений: будет ли, как сказал султан, или они отправятся на собор. И стало так, как захотел василевс, или, вернее, злая судьба.

9. Когда василевс, выехав из города, уехал, султан решил напасть на Константинополь, послав против него войско, не столь многочисленное, чтобы взять его, сколько чтобы заставить василевса вернуться.

10. И это было решено и одобрено всеми его приближенными, кроме одного Халил-паши, который воспротивился, говоря: «Если ты выступишь против Константинополя, это скорее станет причиной того, что василевс вынужденно скажет франкам: «Я согласен с тем, что вы говорите». И тогда произойдет то, чего мы боимся, так что оставь это и посмотри, что он будет делать. А на случай, если они договорятся, у тебя есть с ними клятвенный мирный договор. Впредь опять будешь поступать, как захочешь. Если же они - скорее всего - не договорятся, тогда, пожалуй, есть смысл с большей смелостью делать то, что захочешь». И этот совет воспрепятствовал намерению султана.

11. Прежде чем мы узнали о совете, данном Халил-пашой, но зная мнение других, мой господин и архонты снарядили Фому Палеолога и послали к василевсу. И у константинопольцев были великие сомнения и волнения до тех пор, пока мы не узнали о возымевшем действие совете Халил-паши.

12. Вот доказательство того, что собор был не таким, каким следовало. Уж я опускаю прочее, что из того последовало.

XXIV,1. В том же 46 году, в 26 день января месяца [149] я обвенчался с дочерью начальника каниклии [150] Алексея Палеолога Цамплакона [151] - Еленой.

2. И 1 мая 47 года [152] у меня родился сын Иоанн, которого крестил мой господин василевс [153] кир Константин, который перед этим и нас венчал.[154]

3. И 17 декабря 48 года [155] умерла деспина кира Мария из Трапезунда.[156] И 1 января того же года умерла деспина Евгения, [157]дочь Гателиузи.[158] Обе были похоронены в монастыре Пантократора. А зима тогда стояла суровая как никогда. И в том же месяце, 17 января [159] умерла василисса кира Зоя [160] и была похоронена в монастыре Кирамарфы.

4. И в феврале того же года возвратились в Константинополь с собора василевс, деспот и все остальные уезжавшие, кроме скончавшихся там патриарха и митрополита Сард, прекрасного и доброго, больше всех мне дорогого. Последний умер в Ферраре, а патриарх позже во Флоренции.

5. И 27 марта того же года в светлое воскресенье [160] родился у меня второй сын, Алексей, который прожил всего 30 дней.

6. И весной того же года бывший митрополит Кизика кир Митрофан стал патриархом.[161]

7. И 6 декабря 49 года [163] я по приказу отправился на остров Лесбос, устроил сватовство и совершил брачный сговор с кирой Екатериной, дочерью господина Митилини и прочих владений кир Дори Палеолога Гателиузи.

8. И 16 апреля того же года, тоже в пасхальное воскресенье [164] родилась у меня дочь Тамар, у которой крестным отцом при святом крещении тоже был мой господин деспот кир Константин.

9. И в тот же день, забрав свою дочь Феодору Асанину, бежал из Константинополя Павел Асан [165] и, явившись в Месемврию, отдал ее в законные жены деспоту кир Димитрию.

10. И 27 июля того же года [166] прибыл на царских кораблях в Митилини мой господин и обвенчался с упомянутой кирой Екатериной Гателиузи, а капитаном на кораблях был ставший впоследствии мегадукой Лука Нотара.

11. И в сентябре месяце 50 года [167] мой господин оставил свою жену василиссу там у ее отца, а мы на тех же кораблях и еще с одним из Митилини прибыли в Морею.

XXV, 1. И 20 октября того же года я по приказу уехал апокрисиарием к султану и к василевсу, имея тайное поручение, если василевс согласится, отправиться к деспоту кир Димитрию дальше в Месемврию и передать ему все земли, которыми владел мой господин в Морее, а последний, вновь приехав в Константинополь, чтобы получил Силимврию и его прежние владения - Месемврию и прочие вплоть до Деркоса, и чтобы в ожидании царской власти находился в городе, как того желает и василевс. Василевс принял меня благосклонно, и в январе месяце [168] я отправился в Месемврию к деспоту кир Димитрию. Он же, действуя против Константинополя, или скорее против василевса, отослал меня ни с чем.

2. В том же месяце, сраженный тяжелым апоплексическим ударом, испустил дух Павел Асан.

3. А когда я, возвратившись в город, ожидал приказа василевса, чтобы вернуться к моему господину, деспот кир Димитрий 23 апреля того же года вместе с турками напал на окрестности Константинополя, окружил и разорил их. В том же месяце и в тот же день у него родилась дочь.

4. И в июле месяце того же года мой господин деспот кир Константин, отправившись на помощь Константинополю и проезжая через Митилини, забрал свою жену василиссу и прибыл на Лемнос. И находясь там, подвергся многодневному нападению в Коцине всего турецкого флота. Но с божьей помощью флот ушел, не добившись успеха, а василисса, ослабев от обстоятельств и преждевременно родив, в августе того же года умерла и была похоронена в Палеокастроне, на том же острове Лемносе.

5. И 14 сентября 51 года [169] у меня родился другой сын Алексей.

6. И в ноябре того же года прибыл в Константинополь мой господин деспот кир Константин. И 1 марта [170] он получил от василевса Силимврию и послал меня туда управляющим, с тем чтобы я защищал и охранял ее от султана, от деспота кир Димитрия и от самого давшего ее василевса.

7. И в июне того же года прибыл в Константинополь протостратор Франгопул. И я по приказу тоже приехал из Силимврии в Константинополь. И было заключено соглашение, по которому мой господни деспот должен был отправиться в Морею и забрать все владения деспота кир Феодора, а тот - явиться в Константинополь и получить Силимврию, что и было сделано.

XXVI, 1. И 10 октября 52 года [171] мой господин деспот, выехав на корабле из Константинополя, отправился в Морею, и на том же корабле деспот кир Феодор в декабре того же года прибыл в Константинополь. И в марте [172] я передал ему Силимврию.

2. И поднявшись на корабль Антония Иалина с Крита, я сошел в Каристосе на Эврипе. И 3 июня сухопутной дорогой я добрался до Мистры, хотя деспот кир Феодор очень просил и уговаривал меня, чтобы я продолжал управлять Силимврией и стал одним из первых его подчиненных.

3. А в дороге я узнал, что истекшей весной мой господин деспот отстроил Эксамилион.

4. Через несколько дней после того, как я достиг Мистры, в Константинополь со множеством кораблей отправился кардинал и вице-канцлер, католический легат папы [173] по поводу похода короля Венгрии [174] против нечестивых. И я был вновь послан апокрисиарием к василевсу, к султану, к этому королю, а также к легату и к капитану Алоизо Лоредану по неотложным делам, к которым привели обстоятельства.

5. И 30 августа, проезжая через Коринф, чтобы застать на Эврипе корабли армады, я попал на похороны прекрасного и доброго митрополита Коринфа Марка, который родился у нас при дворе, рос вместе с нами и находил большую заботу у моих родителей, очень угнетаемый злобой своей мачехи, и из-за большой враждебности был даже вынужден бежать от своего отца, и ушел в монастырь Ксанфопулов и стал таким полезным человеком.

6. Доехав до Эврипа, я, однако, не настиг кораблей и добрался до Лемноса на другом судне, а там застал царский корабль и в начале ноября 53 года [175] приехал в Константинополь.

7. В том же месяце, 11 числа [176] король Венгрии был убит султаном при Варне.[177]

8. И 17 июля того же года [178] началась всеобщая засуха, достойная упоминания.

9. Тем же летом духовник кир Григорий стал патриархом.[179]

10. И 15 августа того же года родился у меня сын Андроник, который прожил всего восемь дней.

XXVII,1. И в декабре 54 года, в конце месяца [180] я прибыл на венецианском торговом корабле в Морею, 1 сентября 55 года [181] мне было пожаловано управление Мистрой со всеми прилегающими к ней местечками, а именно: Кулой, Эврайки, Трипи, Церамионом, Пакотами, Склавохорионом, со всеми их доходами, чего никогда не имел ни один другой управляющий Мистры.

2. Повелел же мне деспот так: «Я дал тебе Мистру за твою хорошую службу и из-за нашего с тобой кумовства и любви и потому, что я хочу, чтобы и тут было, как в Коринфе и в Патрах, которыми управляют Иоанн Кантакузин и Алексей Ласкарис.

3. И знай, что я не собираюсь никого другого делать месазоном, [182] кроме того, которого имею - Эвдаймоноиоанна. Однако я не буду постоянно находиться здесь, а собираюсь для большей пользы объезжать свои владения.

4. И когда я буду находиться в Коринфе, я буду вершить свои дела и дела этой местности с Кантакузином и Эвдаймоноиоанном; когда же уеду в Патры, то с Ласкарисом и Эвдаймоноиоанном, оставив Кантакузина в его области. Когда же я нахожусь здесь - то с тобой и с Эвдаймоноиоанном.

5. Кроме того, когда я с богом соберусь жениться, то невесту я получу через тебя и буду проводить большую часть времени здесь, и тебе к тому же будут подведомственны ее службы.

6. Теперь же я уезжаю для лучшего устройства Эксамиллиона, а ты, находясь здесь, хорошо исполняй свою власть, прекрати несправедливость и здешнее многоначалие и заставь всех здесь, чтобы только твою признавали власть, а меня одного - господином». Я же поклонился ему и поблагодарил. В 8-й день того же месяца сентября он уехал к Эксамиллиону.

XXVIII,1. А в октябре того же года дочь деспота кир Фомы кира Елена выехала из Гларенцы, чтобы отправиться в Сербию и выйти замуж за Лазаря, сына деспота кир Георгия, [183] что и произошло.

2. И по этой причине василевс кир Иоанн пожаловал Лазарю через Георгия Филантропина титул деспота.

3. А 27 ноября того же года султан выступил против Эксамиллиона и 10 декабря захватил его и разрушил. И дойдя до Патр, захватил, сжег и разорил лишь их окрестности.

4. И в августе того же года [184] я вновь был послан в Константинополь и по прочим делам, и по делу сватовства моего господина в Трапезунде и Готфии, [185] так как я заранее писал и послал по этому делу оттуда иеромонаха Исидора, ставшего впоследствии митрополитом Афин, и своих людей.

5. И пока я там пребывал, в июне 56 года [186] в Силимврии от чумы умер деспот кир Феодор. И привезя в Константинополь, его похоронили в монастыре Пантократора.

6. И 15 августа того же года у меня умер сын Алексей, прожив 5 лет и 11 месяцев. И смерть эта сильно потрясла меня. И не знал я несчастный, что мне уготовано еще более печальное будущее.

7. И 31 октября 57 года [187] в возрасте 56 лет, 10 месяцев и 15 дней умер василевс кир Иоанн.[188] И 1 ноября он был похоронен в монастыре Пантократора, процарствовал 23 года, 3 месяца и 10 дней.

XXIX, 1. И в 13 день того же месяца ноября прибыл на корабле в Константинополь деспот кир Фома, не знавший о смерти василевса и услышавший о ней, проезжая мимо Каллиполи.

2. Когда он приехал, уже значительно поутихли интриги, которые создавал деспот Димитрий, или вернее его приспешники с целью возвести на трон его, хотя константинопольцы не считали достойным порфирородного деспота, так как был жив его старший брат, [189] который превосходил его всеми достоинствами и неудачливым не был. К тому же это очевидное и справедливое мнение подкреплялось волей святой деспины [190] и ее сыновей деспотов, а также советом и мнением архонтов.

3. 6 декабря я уехал апокрисиарием к султану сообщить, что и мать, и братья, и старшинство по возрасту, и добродетель, и любовь почти всех в Константинополе говорят за то, чтобы василевсом стал кир Константин; и чтобы султан знал об этом. Он с этим согласился и одобрил и отослал меня обратно с почетом и с дарами.

4. В те же дни из города в Морею были посланы архонты Алексей Филантропин Ласкарис, которого наш господин послал в город к василевсу вместе с деспотом кир Фомой, чтобы следить за ходом дел этого деспота, и Мануил Палеолог Иагр. И 6 января [191] они короновали в Мистре деспота кир Константина.

5. И 12 марта того же года он прибыл в Константинополь на каталонском корабле и был с радостью встречен всеми.

6. И в том же году в августе месяце деспот кир Фома выехал из Константинополя и отправился в Морею, награжденный титулом порфирородного.

7. И 1 сентября 58 года [192] уехал и порфирородный деспот кир Димитрий и тоже отправился в Морею, помирившись в Константинополе с Фомой в присутствии святой кыры своей матери, брата василевса и наших избранных архонтов и дав клятвы, на которые с трудом согласились и плохо приняли, как я позднее узнал, хотя как они были настроены по отношению друг к другу, рассказывать нет необходимости, да и в городе меня не было, чтобы знать о том хорошо.

XXX,1. Ибо 14 октября этого года я был послан к мепе Ивирии, то есть царю Георгию, [193] и к василевсу Трапезунда кир Иоанну Комнину [194] с ценными дарами и большим и прекрасным снаряжением, с архонтопулами и стратиотами, с иеромонахами и певцами, врачами и мастерами, везущими орган. Хотя название его ивирицы и слышали, но что это такое - не знали и хотели увидеть и послушать. И поэтому сходились со всех концов Ивирии, чтобы послушать его.[195]

2. А поехал я ради сватовства с тем из двух родов, который я выберу. Однако следовало, чтобы я к тому же беспристрастно разъяснил своему господину василевсу положительные и отрицательные качества обеих сторон, а там - как он решит. И я послал с людьми письма, и мой господин в ответ послал ко мне обратно других и, проезжая мимо Амисоса, они потерпели кораблекрушение. И до тех пор, пока мой господин василевс, узнав об этом, послал других, я провел в тех краях 2 года без 30 дней.

3. Пока я находился там, 23 марта того года [196] умерла в блаженном слове ставшая незабвенной святая деспина, в божественной и ангельской схиме принявшая имя монахини Ипомони; и была похоронена она в монастыре Пантократора рядом со своим покойным незабвенным мужем василевсом.

4. И в феврале 59 года [197] умер султан Мурад. И я не слышал об этом в Ивирии, а когда прибыл в Трапезунд, василевс говорит мне: «Архонт апокрисиарий, мы сообщим тебе хорошие вести, только ты должен будешь отблагодарить нас». Встав, я поклонился и сказал: «Да сделает бог многолетним твое царствование, в которое ты всеми способами оказываешь и будешь оказывать нам благодеяния. И теперь сообщаешь добрые вести. Однако что есть у нас достойное, чтобы воздать твоей царственности?» И он сказал мне о смерти султана и о том, что господином стал его сын [198] и что он многое воздал василевсу [199] и подтвердил мирный договор, который этот дом заключил с его отцом.

5. И услышав это, я онемел и опечалился так, будто он сообщил мне о смерти моих самых близких. И немного спустя опомнившись, я сказал: «Государь мой, это не радостное известие, а весьма печальное». И он говорит: «Как же это?» И я сказал: «Потому что тот был стар и попытка выступить

против Константинополя была им уже совершена, и больше ничего такого он предпринимать не собирался, но желал лишь мира и спокойствия. Этот же, который теперь стал господином, - молод и с детства враг христиан, и он поносил и грозился, что сделает то-то и то-то против христиан.

6. И Константинополь, который прежде из-за слабости моего господина василевса, твоего зятя, [200] был в затруднительном положении из-за большого долга, лежащего на его доходах, испытывал нужду во всем. И мой господин василевс, новый господин, нуждается в мирном времени, чтобы выйти из этого трудного положения. И если бог допустит, чтобы в нем победили молодость и злоба и чтобы он напал на Константинополь, то я не знаю, что будет. Вот если бы бог соблаговолил, чтобы умер этот, его сын, то была бы действительно радостная весть, а отец, так как у него не было бы другого преемника, ослаб бы и меньше прожил от печали. И между тем, если бы он умер, этот дом [201] усилился бы и достиг бы большого превосходства». И он говорит мне: «Ты один из разумных и первых архонтов того дома и тебе лучше знать об этом, однако бог в силах обратить это на благо». И я сказал: «Все так, как ты говоришь». И остался у него.

XXXI, 1. А когда я услышал об этом и о том, что жена султана, дочь деспота Сербии [202] с почетом благополучно возвратилась к своим родителям, и так как я собирался остаться в Трапезунде по многим причинам, то я послал с отправляющимся в Константинополь судном лошадей и двух юношей, которых царь Ивирии захватил в походе на Самахи [203] и прислал мне в подарок, и кое-что другое, что мы получили в дар и приобрели иначе. Я сел и написал своему господину василевсу о том, что я сделал в Ивирии и что, я думаю, надо сделать в Трапезунде, и о причине задержки здесь.

2. Написал я и другое послание, о котором собираюсь пояснить. И отдав письма одному из находившихся со мной архонтопулов, я отослал его, приказав: «Одно письмо отдай нашему господину василевсу, когда поклонись ему, и на словах доложи все о нас; а назавтра отдай ему другое».

3. А написал я так: «Приехав сюда, в Трапезунд, я узнал от василевса о смерти султана. Узнал я и о возвращении его двоюродной сестры, султанши, на родину к своим родителям. Итак, по размышлении мне кажется во многом лучше и выгоднее брак с ней, чем со здешними, если ты найдешь это выполнимым.

4. Ибо я нахожу только четыре осложнения: более низкое происхождение; церковное - из-за родства; то, что она имела мужа, и 4-е - что она пожилого возраста, и есть мысль, как бы она не подверглась опасности, когда придет время родить ребенка, что очень часто случается, как пишут физиологи.

5. Итак, по поводу первого скажу, что нет ничего невероятного, поскольку она не более низкого происхождения, чем моя госпожа, твоя незабвенная мать.[204] По поводу второго - ведь мы вполне рассчитываем на то, что церковь согласится на брак с трапезундской невестой; если дать денег на церковные нужды и на бедных, то она тем более согласится на брак с дочерью деспота Сербии, ведь и церковь, и иеромонахи, и монахи, и монахини, и бедные окажутся связаны и в долгу за такие милости.

6. А по поводу третьего - тоже нет ничего невероятного, так как деспина кира Евдокия сначала была замужем за турком, владельцем маленькой и незначительной местности, и имела от него детей, а ее взял в жены твой дед. А эта была женой такою великого господина и, как я слышал, с ним не жила. По поводу же 4-го - пусть будет так, как бог соблаговолит.

7. А поскольку это и во всем прочем будет выгоднее, и родители с радостью на это согласятся, пошли кого-нибудь из своих придворных или из монахов, пусть разузнают об этом. И сделай это, не откладывая».

8. Когда 28 мая [205] письмоноscopy прибыли в Константинополь, василевс охотился на кабана. Как только ему сказали, что прибыли те, кто был в Ивирии, он, оставив всё, возвратился. Дело с Сербией ему понравилось, как покажет дальше повествование.

9. А случилось так, что того же 28 числа вечером привиделось мне во сне, что я приехал в Константинополь и, приветствуя василевса, пал ему в ноги. Но он, не позволив мне этого, поднял и

поцеловал меня в глаза. И проснувшись я говорю спавшим возле меня: «Вот то-то приснилось мне во сне, запомните этот день».

10. Однако мой господин василевс, увидев, что приехал не я, а кто-то из сопровождавших меня, прочел первое письмо и погрузился, досадуя и упрекая меня за медлительность. Когда же назавтра прочел второе письмо, то остался доволен, как если бы вернулся и я. И тут же снарядив Мануила Палеолога, племянника протостраториссы Кантакузины, он отправил его в Сербию, и был испробован этот вариант: родители ее выслушали предложение с радостью и с готовностью приступить к делу.

11. Но оказалось, что султанша молилась богу и дала обет, что если каким-нибудь образом он освободит ее из дома ее, якобы мужа, она никогда в жизни не выйдет замуж за другого мужчину, но останется свободной и по мере сил будет служить своему избавителю. По этой-то причине дело оказалось неисполнимым.

12. В том же году в августе, как беглец, уехал из Константинополя патриарх кир Григорий.

XXXII,1. И 14 сентября 60 года [206] на корабле доброго Антония Рицоса, принявшего впоследствии мученичество за свою христианскую веру, я доехал до Константинополя, завершив, или скорее более утвердив дело со сватовством в Ивирии, рассматривая Трапезундское как гораздо менее удачное, чем это.

2. Ибо сказал мне василевс Ивирии: «У нас не принято, чтобы женщины давали деньги будущим мужьям, но мужья женам, как ты здесь узнаешь. Поэтому мы сделаем все без ведома, не советуясь с моими: я даю за своей дочерью, кроме одежды и средств на ее слуг, 36 тысяч флоринов и ежегодно она будет иметь 3 тысячи для раздачи церкви и бедным и на что ей заблагорассудится.

3. А у тебя, я слышал, двое детей; мальчик - крестник василевса и принадлежит ему, а девочка с сегодняшнего дня будет под покровительством моей дочери, и она должна будет выдать ее замуж, когда ты сочтешь нужным, и ты получишь ее вместе с приданым.

4. А когда ты с богом приедешь за моей дочерью, ты получишь от меня 4 рулона шелка, а он тонкий и, как мы слышали, рулон стоит 500 флоринов».

5. Когда же я доложил все, касающееся посольства, и дошел до сербского дела, я спросил об этом. И он сказал мне так: «Я многим обязан тебе за твою ко мне с детства любовь, верность и службу. Но это теперешнее дело с Сербией было подтверждением и доказательством твоей любви ко мне и службы, и я обещаю и должен вознаградить тебя за сделанное для меня. Ведь ты столько потрудился, страдал и грустил по своему дому столько времени, и ты получил то, что получил: столько всяких обещаний благодеяний и почестей, если только ты исполнишь их желание, ты же предпочел заботиться о большей моей выгоде и написал и посоветовал мне то, что написал - это было веским доказательством твоей истинной любви ко мне, верности и службы. Знай же достоверно, что пока я жив, ты получишь от меня достойное вознаграждение.

6. А относительно того дела - произошло следующее: когда умер султан и так устроилось с дочерью деспота Сербии, пришла и встретилась со мной по этому делу протостраторисса и дала много клятв и обещаний о будущих выгодах, которые и я по многим причинам считал такими большими, истинно хорошими и полезными. Однако об этом нужен был совет, мнение других - как должно быть, чтобы дело удалось.

7. Но с кем было мне советоваться? Моя госпожа деспина умерла. Кантакузин, который сравнительно с другими давал советы более беспристрастно, тоже умер. Нотара явно и неявно говорит, что никакие другие советы не помогут, разве только его, и, как говорится, пускает в ход все средства, и ты лучше других это знаешь. Великий domestik враждебно настроен к делу с Сербией. И вот, сговорившись с Иоанном Кантакузином, постоянно убеждают меня отдать предпочтение трапезундскому варианту. На кого было опереться? На монахов? Но они в это не вмешиваются. На архонтов? Но кого бы я выбрал, беспристрастного и чтобы не был к чему-то привержен, или чтобы не разболтал другим? Так что я с трудом переносил твое запаздывание.

8. Когда же пришло твое письмо, я понял тебя и узнал твое мнение. То, что было задумано и нами, ты разумно и хорошо разрешил. И я сразу под предлогом других дел послал Палеолога, чтобы он сообщил об этом от имени ее тетки протостраториссы. И вот услышали мы о причине препятствия и прекратили переговоры. Итак, с богом, совершим это дело с василевсом Ивирии».
9. И был составлен и подписан хрисовул о том, что дочь последнего будет его женой и деспиней Константинополя, а он будет ее мужем согласно договору, который заключил со мной василевс Ивирии. И был вызван тот посланный со мной его архонт, из второстепенных, в его присутствии мой господин василевс собственноручно начертил киноварью три креста вверху лицевой стороны хрисовула, как принято, для удостоверения. И приняв из его рук хрисовул, он услышал: «Вот он, - он указал на меня, - будущей весной с богом приедет на кораблях, чтобы забрать невесту». Тот поклонился и уехал.
- XXXIII,1. А поскольку в начале того года ходили слухи, что султан собирается явиться к Стенону и построить крепость у Асоматоса, василевс решил послать в Морею за одним из своих братьев, который соизволит это и согласится с договоренностью, чтобы в случае необходимости наблюдать за действиями султана, а второй из двух чтобы отправился к правителям Запада.
2. И решив так, он велел мне в один из дней: «Протовестиарит, мы приняли такое решение: я предполагаю отправить тебя в Морею, чтобы, как только ты там все устроишь, сюда приехал тот из моих братьев, который это захочет. Ты же отправишься на Кипр к моей племяннице королеве.[207] А мы здесь приготовим необходимое, чтобы ты, уехав с Кипра, отправился в Ивирию за своей будущей госпожой».
3. Я же ответил ему: «Любовь и долг моей службы требуют, чтобы я сказал «как прикажешь», однако я боюсь за твою рабу и куму, как бы она не разгневалась и либо не ушла в монахини, либо не оставила меня и не взяла другого мужа, ибо вчера я приехал, проведя в Ивирии год и 11 месяцев, а теперь мне снова уезжать. Она будет вправе поступить так, сделав одно из двух». А он со смехом сказал: «Все же скажи ей, чтобы она позволила тебе совершить одну эту поездку, и я дам клятвенное обещание, что больше не побеспокою тебя по такому делу».
4. И ты ведь знаешь, что мы оба хотим, согласовали и собираемся сделать. Достоверно и без клятвенного обещания и то, что для тебя прекратятся посольства» (а то, что мы согласовали и чего желали, было то, что василевс укажет мегадуке Нотара, что он не сможет иметь чин месастикия.[208]) «И хотя нам не удастся его у него отобрать из за его почета, однако он отдаст его, чтобы иметь первое место по положению в совете [209] и какой-нибудь доход другим способом; затем мне, подобно моему брату василевсу, необходимо назначить двух архонтов (но не месазонов), чтобы с раннего утра и до поздней ночи, пока я занимаюсь своими делами, были со мной». Так и было сделано.
5. И мегадука был извещен через его и моего кума, иеромонаха и духовника Неофита из монастыря Харсианит, и согласился, волей или неволей - не знаю. И даже сделал вид, будто он и сам хотел это сделать, чтобы только василевс возвел в чин его сыновей. И было принято решение, хотя ничего и не совершилось, так как всех нас вместе постигли несчастья.
6. И он сказал, что одним из архонтов буду я, а другим он предполагает Николая Гудели. И если такое товарищество приятно, то чтобы между нами установились и родственные связи: пусть мой сын женится на его дочери. И это было то дело, о котором он говорил, собираясь прекратить мои посольства.
7. Мне же он сказал: «Я бы хотел послать в Морею кого-нибудь из якобы более почтенных, но я хочу передать из рук в руки мое поручение, имеющее 5 пунктов, чтобы посол изложил для заключения соглашения первый, если же не получится, то второй или третий, или четвертый, а при необходимости - пятый. И я полагаю, что пошли я кого-нибудь кроме тебя, то он уступит за то, чтобы ему аргировулом определили какое-нибудь местечко, или за обещание, что он и его дети будут иметь то и это, он сразу же представит пятый пункт, что для меня будет тяжело».
8. А к королеве Кипра - ты знаешь о монахе, который явился ко мне в один прекрасный день? Он сказал мне от имени моей племянницы, что у нее есть нечто важное, что она хотела бы сказать мне лично, если бы это было возможно, или сообщить через верного и разумного человека, если бы у нее

был такой. А поскольку одно невозможно, а другого она не имеет - чтобы я послал выслушать это дело того, кто кажется мне подходящим.

9. Но кто более подходит для этого? По третьему же делу слов не требуется, ибо ты - тот, кто его совершил: и был, и лично видел, и встречался, и исполнил. Как может окончание дела быть исполненным другим?» Я ответил ему: «Это, бесспорно, так, как ты говоришь. И твоя раба и моя спутница позволит это, раз того требует дело и ради того, что будет то, что ты мне назначил - и место, и почет, и кумовство, более высокое, чем у других архонтисс. Однако в остальном я не нахожу ничего, что тебе возразить». Когда же наступило время завтрака, я отправился домой.

XXXIV,1. А когда после обеда пришел мегадука, он сказал ему, что решил со мной относительно посольств: относительно того, что я уезжаю, но не причин. И прибавил следующее: «Нам необходимо его отличить, ибо в чине, который он имеет, нет никакой нашей заслуги, но моего брата василевса. Итак, подумай об этом и разузнай, какую из должностей он хотел бы, и мы выслушаем тебя».

2. Он встретился со мной и я сказал ему, что у меня в мыслях есть попросить, чтобы мне был пожалован более высокий чин, но которым никто другой не владеет и который не будет при моей жизни пожалован другому, поскольку мне кажется такой порядок подобающим и предпочтительным. Особенно, когда я отправился в Трапезунд, столько слышал упреков и порицаний - как на одной и той же должности здесь три архонта. И моя мысль еще больше утвердилась в желании, которое я имел. Так вот, пусть мне будет пожалован чин великого кондоставла». [210]

3. Он ушел и доложил об этом василевсу, и тот велел ему: «Этот чин, Нотара, я давать не собираюсь, так как господин василевс мой отец назначил в Эксамилоне великим кондоставлом моего первого тестя. Но я дам более высокий, чем этот, и сделаю его великим логофетом, [211] что является четвертым рангом, а великий кондоставл - седьмой.

4. Мегадука ему говорит: «А что стало с Метохитом Палеологом, когда ты сделал сына Кантакузина протостратором по просьбе твоего брата деспота, ради его отца и из-за родства и кумовства? И он может отдать свою душу дьяволу, если теперь ты сделаешь Сфрандзи великим логофетом, так как это выше великого стратопедарха. [212] Что будет? Дай же ему великого примикирия, [213] который идет после стратопедарха».

5. И он говорит ему: «Он предупреждал меня, что не желает никакого чина, даже высокого, если его имеет другой. Как он это воспримет? Все-таки скажи ему об этом, и мы да услышим».

6. Он приходит и говорит мне: «О должности великого кондоставла он сказал, что поскольку великим кондоставлом является его тесть, ни тебе, ни другому не пожалует его, но пожалует тебе великого примикирия, который выше его». Я же сказал ему, что если бы он был выше мегадуки, я не захотел бы его, так как его имеет другой. Разговор прекратился.

7. А когда я посоветовался с родными, друзьями и домашними, наилучшим показалось вот что: относительно должности - будь что будет, а я уеду в Морею и на Кипр и возьму с собой моего прекрасного сына, превосходящего почти всех своих сверстников, а также большую часть своего движимого имущества, и мы поедем по суше, чтобы он увидел разные места и научился всему полезному в жизни. И к тому же нам станут ясны планы султана, и при случае я оставлю своего сына в Морее вместе с моим имуществом у его кровных родственников со стороны матери, или он вернется со мной. Этот довод убедил и его мать, а именно - мысль о войне, и она согласилась на мой новый отъезд.

8. Когда же я запасся всем необходимым в дорогу и оставались только письма, [214] в один из дней я отправился во дворец и как обычно вошел в покои василевса. И так как я не нашел там василевса, то спросил, и мне сказали, что он в тетрасароне, [215] другом помещении рядом с его покоем, беседует с отцом Антонием Родесом. Я подождал немного, и вот василевс, дыша гневом, говорит мне: «Видел его? Я уж не говорю о дерзости твоего месазона! Ты просил о должности великого кондоставла, и я сказал ему, что ни тебе, ни кому другому я не дам ее, сказал, по каким причинам. И я сказал о должности великого логофета, а он сказал, что это вызовет гнев великого стратопедарха Палеолога - то, что я ставлю тебя перед ним. И сегодня он послал эту овцу, отца Антония, чтобы по его просьбе я наградил его телят. Просит, чтобы я сделал первого великим логофетом, а второго - великим

кондоставлом, так как он и теперь управляет рогаторами, [216] что подведомственно этому должностному лицу.

9. Так вот, говорю тебе, что им, если он захочет, я дам другие, более низкие должности, которые и то не будут соответствовать их достоинствам; ты же будешь великим логофетом. Только об одном я прошу тебя: чтобы ты по многим, временным, причинам и из-за этих архонтов не кланялся на праздничной церемонии согласно этому рангу, однако пусть нотариий напишет в письмах к моим братьям и королеве и вообще во всех, которые будет писать, что приезжает великий логофет. И ты тоже будешь так писать сюда ко мне и своим. А тем заткнешь рот, и в конце концов они проглотят это, даже если им оно покажется острым и горьким».

10. Я же ответил: «Многие лета твоему святому царствованию! Однако я хочу и прошу, чтобы из-за меня не было ничего такого, что принесло бы неприятности. Лучше сними мою кожу, если это способно принести мир и радость твоему святому царствованию». И он говорит: «Ты говоришь как хороший слуга, однако ничего такого не думай. Ведь я огорчился, видя их мнимую любовь к тебе и почтение и их манеры. Однако позови мне сюда нотариия: кто там есть?»- И откликнувшись, кто-то пошел и позвал его.

11. А когда он пришел, василевс приказал ему: «Мы говорили тебе, кому и кому написать верительные грамоты, извещающие их. И напиши, что они будут извещены неким великим логофетом. И если будем живы, впредь я буду так писать и обращаться во время церемоний у тех, которые будут это осуждать. Однако до времени и ты, нотариий, храни это в тайне».

12. И когда приказы были приготовлены, я взял их с тем, чтобы в тот же день откланяться, но на завтра пришлось остаться тоже, потому что «султан выступил из Адрианополя и идет, и давай посмотрим, как бы в пути тебе не встретилось какое-нибудь препятствие».

XXXV, 1. Вот 26 марта того же шестидесятого года [217] явился султан и остановился у пролива Стенон, чтобы возвести там укрепление.[218] И сегодня - «посмотрим», и завтра, и «по суше не стоит, так как будет опасно, вот найдем судно».

2. В июне того же года произошло сражение, и после бегства нашего войска тех, кого обнаружили вне города, забрали в плен и блокировали город. И закончив строительство крепости, 31 августа султан выступил оттуда, и, придя, напал на окрестности города.

3. И 3 сентября 61 года [219] он уехал в Адринополь, очевидно, за эти два дня тайно хорошенько осмотрев крепость и ее оснащение.

4. И в том же году осенью в Морею явился Турхан со своими сыновьями и многочисленным войском, тогда-то его сын и был захвачен морейцами.

5. И 17 января того же года [220] родился наследник и преемник рода Палеологов кир Андрей Палеолог.[221]

6. И 4 апреля того же года вновь явился султан и, подойдя к Константинополю, осадил город всеми средствами и приспособлениями с суши и с моря, окружив город на протяжении 18 миль [222] с суши двумястами тысяч человек. А столь великий город имел в обороне 4773 человека, не считая иностранцев, которых было едва 200 или чуть больше.[223]

7. Я же знал, что это так, по следующей причине: ибо по приказу василевса каждый димарх точно переписал в своей димархии [224] способных обороняться в крепости мирян и монахов и какое оружие для обороны есть у каждого из них. И каждый из димархов принес и отдал список своей димархии василевсу.

8. Затем он приказал мне: «Эта работа касается тебя и никого другого, поскольку ты умеешь хорошо считать и хорошо сохранять то, что необходимо хранить в тайне. Возьми списки и, сев у себя дома, сосчитай точно, сколько имеется людей и сколько оружия - сколько копий, сколько щитов, сколько луков». И выполнив его приказание, я принес и отдал моему господину василевсу списочек [225] с грустью и величайшей мрачностью. И количество осталось в тайне только между мной и им.

9. И 29 мая, во вторник, [226] в час начала дня султан взял Константинополь, и в тот же час взятия города пал мертвым блаженный мой господин василевс кир Константин. Меня же не было рядом с ним в этот час, но по его приказу я вроде осматривал другую часть города. Увы, увy мне! Не знал я, для каких времен сохранило меня провидение.

10. А вся жизнь покойного этого василевса и мученика продолжалась 49 лет, 3 месяца и 20 дней, [227] из которых он царствовал 4 года, 4 месяца и 24 дня, будучи восьмым василевсом рода Палеологов. Ибо первым был Михаил, вторым - Андроник, третьим - Михаил, четвертым - Андроник, пятым - Иоанн, шестым - Мануил, седьмым - Иоанн и восьмым - Константин.[228] Царствовал же и правил Константинополем род Палеологов сто девяносто четыре года, десять месяцев и 4 дня.

11. Я же, несчастный, был схвачен и пережил все несчастья и беды плена. Наконец, 1 сентября 62 года [229] я откупился и приехал в Мистру. А жена и дети мои были захвачены старыми и добрыми турками и вновь проданы ими мерахуру султана, то есть комиту его лошадей, [230] который скупал и многих других знатных архонтисс и имел с этого большую прибыль.

12. А поскольку он не смог скрыть красоты и других положительных качеств моих детей, узнавший о них султан забрал их, дав мерахуру несколько тысяч аспров. А несчастная мать осталась одна, с одной только своей воспитанницей, остальные же были распроданы.

XXXVI, 1. Пожалуй, кто-нибудь спросит, что же происходило у василевса в разгар борьбы в тот год, в то время, когда султан вел приготовления, и что сделали зарубежные христиане для того, чтобы помочь?

2. Относительно зарубежных христиан ясно, что ничего. И более того, к сербскому деспоту Георгию был послан архонт султана для того, чтобы склонить его стать посредником в мирном договоре с венграми, а после того, как апокрисиарий уехал, некоторыми турками из совета был направлен нотариус, чтобы посоветовать деспоту найти способ отсрочить мирный договор, так как если будет мирный договор с венграми, султан тут же выступит против Константинополя. Но тот сказанного не сделал, не зная, несчастный, что если случится лишить тело головы, то члены мертвы.[231]

3. В Венеции, когда состоялся большой совет, воспротивился дож Франческо Фоскари не по неведению - ибо и василевс кир Иоанн говорил нам, да и другие, видевшиеся и беседовавшие с ним, что более разумного человека не знают в Италии, - но по злобе и недоброжелательности. Ведь недоброжелательство не умеет предпочитать пользу. Причина же была вот в чем: Алоизо Диедо был его посредником по делу о том, чтобы мой покойный господин кир Константин, будучи деспотом и находясь господином в Морее, взял в жены дочь этого дожа с большим приданым. Господин же мой не ради приданого, но ради того, чтобы его владения стали как бы едиными с Венецией, согласился на этот брак, причем я больше других одобрял и поддерживал это. И все уже было решено.

4. Когда же он стал василевсом и переехал в Константинополь, этот брак стал неподобающим. Ибо кто из архонтов или архонтисс города принял бы госпожой и деспиней дочь венецианца, правда, знатного и дожа, но временного? Или его других зятьев как свояков, или сыновей как шурьев василевса? Вот так, исходя из этого, он отослал посредника, а человек стал врагом, и хотя архонты Алоизо Лоредан и Антоний Диедо и многие другие много говорили ему и указывали на то, что если Константинополь будет взят, это обернется большим вредом и для их государства, не сумели убедить его.[232]

5. А что думала об этом римская церковь? Ведь когда русский кардинал [233] находился в Константинополе, я был его посредником к моему незабвенному покойному господину василевсу по поводу того, чтобы он стал патриархом, и чтобы им и тогдашним папой [234] было сделано то-то и то-то или хотя бы чтобы вторым поминался папа.

6. И после многих разговоров, советов, беспокойств незабвенный василевс решил, что от одного он совершенно откажется, так как если тот станет патриархом, все либо должны будут повиноваться ему, либо ополчатся против него, и между ним и теми неповиновущимися возникнет война. А в такое время, когда на нас надвигается война извне, сколь ужасно иметь еще и внутреннюю войну. А относительно поминания - пусть оно будет ради нашей надежды на помощь в случае необходимости. И в то время как одни будут совершать его в св. Софии, другие будут оставаться непричастными и

спокойными. И 12 декабря минуло вот уже шесть месяцев с тех пор, как было произнесено столько речей о помощи, сколько их произнес султан Каира.[235]

7. А из Сербии, хоть и была возможность из многих областей тайно послать деньги, а также людей другим способом, видел кто-нибудь хоть один обол? Да, действительно, они посылали много денег и людей - султану, осадившему город. И турки ликовали и указывали: «Вот и сербы против вас».

8. Кто из христиан - василевс ли Трапезунда или кто из влахов, или ивирцев послал на помощь тайно или явно один обол или одного человека?

9. Венгры, правда, послали апокрисиариев, сказать: «Когда выяснилось, что вы собираетесь заключить мирный договор с Константинополем, мы тоже заключили с вами мирный договор, а иначе мы расторгнем его». Посольство ехало почти неделю, в течение которой турки собирались начать войну. И если бы они победили, то сказали бы им: «Вот мы взяли город, а вы уезжайте и как хотите - сохраняйте с нами мир или воюйте». Так и случилось, и они им это сказали. А если бы не взяли и сняли бы осаду, то сказали бы, мол, «ради мира с вами и договора о согласии мы сняли осаду»; или заключили бы мир: султан, как мы слышали, говорил: «Если не возьму город, сразу заключу мир, который будет на всю жизнь».

10. А мой покойный господин василевс чего не сделал и тайно, и явно для защиты своего дома и христиан или собственной жизни? Разве замышлял он, если что-нибудь случится, бежать, хотя это было возможно и легко? [236]

11. Ведь кто знал из всех остальных, кроме Иоанна Кантакузина и меня, что Янко [237] заранее просил, чтобы он отдал ему в подчинение Силимврию или Месемврию и чтобы там находились многие из его людей, и тогда во время войны с турками он будет им врагом и помощником городу? И когда началась война, ему была отдана Месемврия. И мною был написан хрисовул, и зять Феодосия Кипрского, сын Михаила, его ему доставил.

12. Кто знал о требовании каталонского короля [238] отдать ему Лемнос, и тогда он всегда будет против турок на море и на стороне Константинополя, если понадобится помощь? И это было сделано.

13. Кто знал, сколько он дал обещаний и послал денег на Хиос через Галату, чтобы оттуда прислали людей, и они не прислали? [239]

14. Кто соблюдал посты и молился сам и через священников, давая им деньги, или больше заботился о бедных, или дал больше обетов богу ради избавления христиан от турецкого ига? Но все это, с одной стороны, бог презрел (за какие грехи - не знаю!), а с другой стороны, люди этого не знали, и каждый говорил по-своему, как хотел. Но возвратимся к предмету повествования.

XXXVII,1. Той же осенью, то есть в 62 году, [240] все албанцы Мореи восстали против своих деспотов и господ и - не знаю как сказать - сделали якобы деспотом Мануила Кантакузина.

2. И в декабре того года вновь явился сын Турхана с войском на помощь деспотам и, немного повоевав с албанцами, забрал в качестве награды своего брата и уехал назад.

3. В том же году и месяце нечестивейший и беспощаднейший султан убил собственноручно моего любимейшего сына Иоанна, когда мальчик якобы замышлял сделать то же с ним.[241] Горе мне несчастному и бедному родителю! И было ему 14 лет и 8 месяцев без одного дня, но разумом и телом был он гораздо старше своих лет.

4. В том же декабре я прибыл в Леондари и поклонился порфирородному деспоту кир Фоме. И он принял меня к себе на службу и аргировулом пожаловал мне местечко Кертези. И весной того же года снарядил меня ехать к деспотам Сербии [241] - к своему свату и к зятю, по многим важным делам, выгодным для обеих сторон, я имею в виду его и их.

5. И поднявшись, я отправился в Метони, чтобы на судне выехать в Рагузу, а оттуда в Сербию, как предполагал Фома, но в Морею его шурин, сын принцепса Кентуриона, бежавший из тюрьмы

Хлумуци, поднял мятеж в области, [243] а султан выступил против Сербии и тогда же взял Омомврид. [244]

6. А поскольку уже не время было заниматься сербскими делами, я морем отправился в Патры. И оттуда проехав дальше Востицы, 1 сентября 63 года [245] я приехал в Адрианополь, а оттуда к Эносу, чтобы тайно переждать время до тех пор, пока не вернется из окрестностей Софии и не приедет в Адрианополь султан, у которого в имении его мерахура находилась несчастная мать моих детей. И возвратившись в Адрианополь, я выкупил ее, а вместе с ней и Хрисовергину, [246] и с ними возвратился в февраль в Патры, претерпев и потратив многое.

7. А в октябре, пока я находился в окрестностях Адрианополя, Турхан со своими сыновьями и большим войском явился на помощь господам деспотам, покорил албанцев, а псевдодеспота прогнал.

8. В том же году, 2 января, [247] у деспота кир Фомы родился сын Мануил Палеолог.

9. И в сентябре 64 года [248] в серале султана от чумы умерла моя прекрасная дочь Тамар. Увы, увy мне, злосчастному родителю! было ей 14 лет и 5 месяцев.

10. А я, несчастный, не знавший об этом, 25 октября был послан апокрисиарием в государство венецианцев (дожем его был тогда Франческо Фоскари). И они оказали мне почет и пожаловали деньги и грамоты.

11. И 6 апреля [249] я возвратился в Патры, с божьей только помощью избавившись от ужасной морской бури, которая застигла нас в пути.

12. И в июне того же года султан взял Афины.

13. А в июле того же года султан отправился на Белград. Когда он захватил большую часть города, был, наконец, позорно изгнан пришедшими на помощь двумя знаменитыми мужами, а именно - Янко и Капистрианом. И потерпев поражение и потеряв своего полезного бейлербея, он обратился в бегство.

14. И в 65 году [250] скончался архонт и предводитель венгерского войска Янко [251] и тот Капистриан, а также умер архонт и деспот Сербии кир Георгий Вулк. А 2 мая того же года умерла и его жена василисса. Почти в тот же день и час ее дочь султанша со своим слепым старшим братом, со своим дядей Фомой Кантакузином и всем их имуществом уехала к султану, опасаясь брата и невестки за имущество своей матери.

15. И в ноябре месяце 66 года [252] умер и этот деспот Лазарь. И султан послал своего бейлербея Мехмеда, чтобы он, если возможно, мирным путем взял Смедорово и всю Сербию, а вместо них чтобы дал жене и детям этого Лазаря другую местность, чего он тогда, однако, не выполнил, но взял лишь с помощью предательства Перистерии, а через некоторое время и Смедорово и еще другую местность, а василиссе будто бы дал какие-то крепости, которыми султан владел в Боснии.

XXXVIII,1. 15 мая того же года [253] султан прибыл в Морею и, разместив войско у Коринфа, блокировал его, а сам, явившись, вторгся в центральную часть области. И все, что там было либо захватил, либо уничтожил и сжег, в частности - Акову, Аэнос и Пендахории. А уйдя оттуда, явился и напал на Мухли, который ему сдал добрый и хороший [254] Димитрий Асан.

2. В июле того же года, вернувшись оттуда назад, султан явился и напал на Коринф, который 6 августа ему сдали мужественные архонты Матфей Асан и Никифор Луканис, один из которых был в нем правителем, каким не следует, Асан же, бежав, прибыл туда раньше, то ли чтобы лучше укрыться, то ли побыстрее сдаться, я не знаю, хотя и ясно по обстоятельствам.[255]

3. Отдав же голову тела Мореи - Коринф, они якобы заключили клятвенный мирный договор, да таким образом, что деспот кир Фома отдаст Патры и их окрестности, а также Калавриту и Гревенон - попросту все, чем владел, будучи деспотом и находясь в Морее, покойный василевс кир Константин.

4. Услышав об этом, их господин и хозяин, который находился со всем двором в Мантинее, бежал в горы в окрестностях Трипи; там был и его брат, и туда же прибыли упомянутые устроители этих похвальных дел. И не посоветовавшись и не сделав никакой передышки, он послал своего великого примикирия Лазаря и передал все султану, словно огородную зелень. Примерно в тот же день и султан, вынужденный уехать по некоторым причинам, покинул Морею, оставив сына Турхана Амара, чтобы он принял их.

5. А в октябре 67 года [256] султан послал апокрисиария к деспоту кир Димитрию, чтобы тот прислал ему, султану, в жены свою дочь, а иначе между ними будет война.

6. Тот же посол прибыл и к деспоту кир Фоме, находившемуся в Понтикосе, взял с него клятвы о мире и в том, что он отдаст его господину обещанные крепости, и уехал.

XXXIX, 1 А в январе месяце этого года [257] добрый и хороший Никифор Луканис, или, скорее, Мореофторос, [258] слывающий одним из первых и верных архонтов деспота кир Димитрия, а также некоторые албанцы и морейцы, которыми он, больше им на беду, руководил, убедили деспота кир Фому, чтобы он поднял восстание против султана и против своего брата и съел, как огородную зелень, клятвы, которые незадолго до этого дал им. А между тем другой хороший человек, Матфей Асан, незадолго до этого отправился к султану апокрисиарием по делу о браке своей племянницы. [259]

2. В начале февраля этого года деспот кир Фома выступил из Аркадии и объединился с теми, кто действовал против него, или против них, как покажет дальнейшее повествование. Из тех крепостей, которыми владели турки, они отважились захватить только Калавриту, а из владений деспота кир Димитрия - те, которыми в качестве управляющих владели эти творцы зла, а именно: Каритену, Вордонию, Кастрицу и некоторые другие, да таким образом, чтобы они опять ими владели, но как господа, а не как управляющие.

3. Но ничего иного не добились умные, деятельные и храбрые архонты, кроме того, что отвратили от себя бога, создателя всего, могущественнейшего на земле господина и брата, господина этой местности. Несчастные, не помнящие ни слова истинного бога, что всякий дом, разделившийся сам в себе, опустеет, [260] ни известной пословицы «против двоих и Геракл не устоит»! Они же восстали против троих.

4. И когда они так поступили, то первым их бог презрел, и они не ведали, что творят, но как рыбы в неводе, которые не знают, что их всех вместе вытаскивают на сушу, пока это происходит, преследуют и преследуются, схватываются и более мелкие пожираются более крупными. Так и они.

5. А деспот кир Фома вторгся во владения брата и осадил Каламату и Мантинею и нашел сообщников: доблестного протостратора - протостратора Николая Севастопола; месазона и свояка своего брата и любимого дядю моей жены - более Кидониса, чем Цамплакона.

6. А деспот кир Димитрий снова взял Леондари с окрестностями и Пидиму с помощью Георгия Палеолога, любимого двоюродного брата и месазона деспота кир Фомы, и его зятя Мануила Бохали, раз тот взял якобы Каламату, Левктрон и большую часть хребта Мани.

7. Когда же деспот кир Димитрий явился, чтобы вступить в Леондари, его брат, как только узнал об этом, поспешил и, обогнав, сам занял его. И деспот кир Димитрий остался ни с чем, а Палеолог и Бохали сбежали и явились к нему, только когда он вернулся в Мистру.

8. К тому же худший и примитивнейший род албанцев, воспользовавшись случаем, соответствующим их репутации и хищническому нраву, чего только не сделал и не натворил плохого? Ибо дважды на неделе изменяя, они переходили от одного господина к другому и требовали себе в управление крепости, где говорят на их языке, а иначе переходили к другому деспоту, а другие точно так же к первому. А между тем, если им попадалось что-нибудь - безразлично, у бедных ромеев или же албанцев, зачастую их родственников и знакомых - все разграбляли и разрушали. Происходило столько такого, что кто бы достойно это оплакал?

9. А что касается самих турок, находящихся в Коринфе, в Мухли и в Патрах, то они, используя подходящее время, одних забирали в плен, других убивали, а над господами и архонтами

насмехались, видя, как те вонзают друг в друга мечи.

10. Когда я разобрался в этих делах, находясь в Аркадии, где они и совершались, и увидев их результаты, я уехал до отъезда деспота из Аркадии, придумав какие-то причины, и примерно в конце декабря месяца того года отправился в Пидасос, который называют Метони. И полезный по уму и по делам архонт Георгий Рауль, оставив господина и большую часть своего имущества, тоже приехал в Метони.

11. И оба мы, сидя в гавани, напряженно ждали ежечасно окончания этой бури, если даже она продлевалась божьим долготерпением, чтобы неразумные, наконец, поняли и глупые, наконец, задумались, и мир и согласие воцарились бы между ними. И они будут молить бога, а еще султана, и бог милосердный сжалится над ними и поставит над ними своим палачом султана и позволит жить дальше. Ибо он у бога занимает такое место и порядок, какое у него самого его палачи, которые исполняют его волю и приказ, но ненавидимы и отвратительны.

12. И пока повсеместно в несчастной Морее происходили вышеупомянутые беды, извне явилось еще какое-то войско. Они нападали на все местности, чтобы, если какое зло пропустили жители, господа владетели и архонты, совершить самим, будучи врагами одного деспота и якобы друзьями другого.

13. Обнаружив же своего врага деспота кир Фому в окрестностях Леондари и преследуя его, они яростно ворвались в крепость, многих из его людей убили и захватили в плен. Затем, перенеся лагерь, то есть свои палатки, поставили их возле домов Леондари. Потом, уйдя, они отправились в окрестности Мистры к своему другу деспоту, а оттуда победители ушли с большой добычей - скотом и людьми.

14. Однако едва лишь поняли господа и братья всю пагубность своей борьбы, они собрались в Кастрице и будто бы заключили клятвенный мир. И когда митрополит Лакедемонии в своем саккосе отслужил литургию, когда иереи призвали христиан придти с верой и страхом божьим, господа и братья, придя, дали клятвы. И деспот кир Димитрий, как мы слышали, до некоторых пор оставался верен договору.

15. И затем снова стало, как будто ничего нового не произошло. О, кротость и долготерпение твоё, господи Христе, к нему и к виновным! И опять начались злодеяния, и еще вчерашние столькие страшные клятвы были нарушены. И каждый делал, что мог, против другого, один, опираясь на дружбу и помощь султана и помня урон, нанесенный его крепостям и подчиненным, другой - на ложность клятв первого и на то, что он якобы борется против нечестивых. В этих столь горестных событиях прошла зима 68 года.[261]

XL,1. И вот в мае того же года султан выступил против обоих. Он отправился прямо в Мистру (поскольку там находился деспот из-за того, что его брат и враг находился в Каламате) и завоевал Мантинию. И тот волей-неволей выехал и покорился ему. Султан же, взяв и Мистру, и деспота и приставив к нему стражу, сказал ему: «Тебе, деспот, поскольку у тебя дела обстоят так, этой местностью больше править невозможно. Но раз мы решили иметь тебя отцом, а твою дочь решили взять в жены, отдай эту местность нам. А ты и твоя дочь поедете с нами, и мы дадим вам другую область, которой вы будете владеть и жить там».

2. И он против воли согласился на это и послал вместе с турками своих архонтов, чтобы они забрали и привезли его жену василиссу и дочь, а также передали туркам Монеувасию, ибо они находились там. Из этого одно исполнилось, так как жена и дочь добровольно выехали и приехали туда, где были султан и деспот.

3. Но монемвасийцы во главе с Мануилом Палеологом удержали крепость и сдали ее деспоту кир Фоме, а он затем как будто - папе.[262]

4. Султан же, устроив василиссу с дочерью, отослал их с некоторыми из своих и ее людей, а деспота водил и возил с собой.

5. Когда они подошли к Вордонию и Кастрице, мужественные архонты Вордонию, перепугавшись, бежали, оставив ее, а в Кастрице до какого-то времени вроде сопротивлялись и воевали, но в конце

концов покорились, и когда пришли, чтобы быть увенчанными за свою доблесть, он некоторых из них обезглавил, других посадил на кол, а Принокококаса прикончил, содрав с него кожу - достойный конец трудов и дел вкусившего.[263]

6. А когда султан явился в область Леондари и в самый Леондари и обнаружил, что он покинут людьми, то он взял и его. А в Гардики, куда как в более укрепленное место ушли люди, чтобы укрыться, он явился и некоторое время сражался с жителями Леондари. Однако в конце концов они были побеждены и все, с женами и детьми, стали жертвой сабли.

7. То же случилось бы и с их бывшими правителями Бохали, если бы их не разыскал подоспевший бейларбей Махмут, так как жена Мануила Бохали была его троюродной сестрой, хотя тот отплатил ему за это злом. Ибо он дал им людей, чтобы они с удобством и спокойно уехали по дороге, ведущей из этой местности, а когда они доехали до Понтикоса и нашли судно, коварно убив сопровождавших их людей бейларбей, взошли на судно и бежали на Керкиру, избавив себя таким образом от забот.

8. А тесть Мануила Бохали Георгий Палеолог, двоюродный брат матери бейларбея, как мы объяснили выше, был уведен, закованный в железо. Ибо он, как мы сказали раньше, бежав из Леондари со своим зятем, уехал в Мистру и поступил на службу к деспоту кир Димитрию. А когда произошло сражение у Вордонии и Трипи, тяжело раненый, он был схвачен. И его закованного увели к его бывшему господину деспоту кир Фоме. А когда он излечился от ран, хотя был в заключении и обязательно охранялся, возле Диррахиона, обманув стражников, бежал. И снова оказался у деспота кир Димитрия в Анапли на более длительное время, в то время как его жена и дети находились в венецианских владениях.

9. Султан же, покорив, как мы показали, Леондари и его окрестности, покорил к тому же крепость Святого Георгия. Ибо завидев его, Крокондил, или уместнее сказать Крокодил, сам поклонился султану и отдал ему крепость и двух своих сыновей. А сам получил в благодарность за это Лои, или, пожалуй, элои-элои, то есть боже мой, боже мой, почему не покинул ты его прежде - главного творца вышеописанных бед? [264]

10. Когда это там произошло, или скорее происходило, деспот кир Фома, оставив Каламату, направился в район Космены, Петалиди, явился и вступил в Аварино, а оттуда в Марати, в то время как василисса еще прежде покинула Аркадию и отправилась туда со своими детьми и с находившимися там, в Аркадии, архонтами.

11. Когда же султан захватил эти земли, а также отнял у Сгуромалли Палеолога - шурина великого Луканиса, который безвременно умер в экскрементах, предав им душу вместе с внутренностями, - он отправился в окрестности Андрусы и, захватив ее и всю ее область, отправился осматривать Корони. Затем оттуда он переехал и осмотрел Метони, затем - в Пилос и в Аварино.

12. К этому дню выехал и деспот кир Фома, ибо заранее приготовил какие-то суденышки, и поехал в так называемый Порто Лонго, чтобы оттуда, дождавшись подходящего случая, уехать на Керкиру, что и было сделано. И 28 июля он достиг ее, или Корфу, как теперь называется Керкира.

13. Когда же и я нашел плывущее туда судно, 11 июля я сел на него, так как за всем прочим в Метони последовала чума. И 2 августа я благополучно достиг Корфу, имея намерение уехать на Крит или в Веррию, недалеко от Фессалоники, так как у меня там был прекраснейший монастырь имени св. Николая, который основал отец моей матери. А поскольку туда уехали и Георгий Рауль, и его зять и дочь, а также деспот со всеми прочими, потом и меня уговорили и посоветовали туда отправиться. Отправился и я.

14. Когда султан завоевал Аркадию и оттуда прошел в нижнюю часть Мореи, он захватил там все крепости и даже очень сильно укрепленную Хлумуци и Сантамери, которыми владели бейларбеиды, так как они, легкомысленно их покинув, тоже уехали на Корфу. А он дошел до Патр и там остановился.

15. И отняв Калавриту у Доксаса, не верного ни деспотам, ни султану, ни, я думаю, богу, он справедливо воздал ему по заслугам, содрав с него кожу, а все его люди - одни лишились головы, другие были уведены в плен.

16. Султан же, хорошенько обезопасив крепость и дочиста разграбив, выступил из Патр и двинулся в область Салменикона, Листрены и Востицы. Из них Востицу и Листрену взял, а Салменикон до некоторого времени удерживал Палеолог, прозванный Греца.

XLI,1. Когда деспот, как мы говорили, уехал со всем домом на Корфу, ему пришло послание от субаши Ангелокастроны, гласящее: «Султан имеет желание, чтобы кто-нибудь из твоих архонтов прибыл к нему и чтобы был заключен мирный договор между вами. И по заключении некоторых соглашений он даст тебе земли».

2. Посоветавшись со своими, деспот решил, что к султану поедет Георгий Рауль, а его зять Иоанн Ралис поедет к папе: один, чтобы объяснить папе и это дело, и задержку деспота на Корфу, а другой - узнать, какова цель решения султана. И они уехали - один 9, а другой 11 августа.

3. Когда чума распространилась и в крепости корфиотов, деспот и мы уехали в деревню, ожидая результатов посольств.

4. Георгий Рауль, проехав через Ангелокастрон, застал султана в районе Веррии. И тотчас по его приказанию и Рауль, и все, кто с ним был, были связаны, а ноги их закованы в железо. Прошло таким образом несколько дней, когда султан выехал с ними, все так же закованными. Через несколько дней пути в горах, возле Черной горы он освободил их, сказав: «Находясь вблизи Мореи, я ждал, что деспот придет ко мне или пришлет своего сына с архонтами, и была бы ему милость, и оставался бы и жил там. Но раз этого не произошло, мы снова говорим: если он хочет, пусть будет так. Когда ты уедешь, пусть придет деспот или пошлет кого-нибудь из своих детей, и мы сделаем ему добро».

5. Когда в октябре 69 года [265] Рауль вернулся ни с чем, деспот кир Фома, 16 ноября того же года, сев на одно из легких корфиотских судов, с многими своими архонтами прибыл в Анкону, чтобы оттуда отправиться к папе, к миланскому дуче и в другие места. На Корфу он оставил василиссу и своих детей, некоторых архонтов, а также семьи сопровождавших его.

6. И хотя меня он назначал и долго упрашивал поехать с ним или остаться здесь с василиссой как архонта ее дома, я по милости все хорошо устраивающего бога, из-за печали по тем, кого я родил, и из-за беспорядка во всех его домашних делах не был склонен ни к тому, ни к другому, но остался еще на время все в той же деревне Моливотина, где мы были, пока деспот находился в Хломосе, опасаясь, как было сказано, чумы.

7. Когда я через некоторое время подыскал близ крепости обитель имени св. Ильи, отправился туда 6 сентября 70 года [266] со своими домочадцами и остался там, умоляя лишь бога, чтобы смилостивился над нами и устроил по своему человеколюбию и доброте. Поскольку мы не думали оставаться у владельцев этой обители, я провел там 5 месяцев с небольшим; и, чтобы быть поближе к хорошему и доброму другу духовнику отцу Дорофею (а он находился в монастыре святых апостолов Ясона и Сосипатра), выбрав из 32 иереев обитель святого Николая, называемую Тарханиотовой, 15 марта мы поселились там, то есть в 70 году.[267]

8. Деспот же кир Фома, приехав в Анкону, а оттуда в Рим, не добился ничего другого, кроме как отдал папе Пию лик святого первозванного апостола Андрея, а тот ему и его людям - едва хватившего на проживание и только самую необходимую пищу.

9. Пробыв там некоторое время, он решил возвратиться во владения венецианцев, а оттуда вновь поехал в Анкону, так как туда прибыла его дочь василисса Сербии. И проведя несколько дней в свидании с ней, он вновь отправился в Рим, а василисса уехала в Рагузу.

10. А на Корфу ее мать василисса, заболев, была помилована богом и в том же 70 году, 26 августа [268] умерла и была похоронена в монастыре святых апостолов Ясона и Сосипатра.

XLII,1. А глава нечестивых в тот же год, выступив против Сфендиари, взял его знаменитую крепость, называемую Синоп, которую и я видел, а также всю остальную его область.

2. А еще раньше он отправился и взял Керасунд и Трапезунд и всю ту местность, принадлежавшую василевсам Трапезунда, и, выгнав почти всех тамошних несчастных правителей и архонтов, привел и

поселил их в Адрианополе. [269] Там же находился и господин Мореи, которому он дал в удел для содержания его самого и его людей большой Энос, Лемнос, Имврос и Самофракию, а трапезундскому василевсу кир Давиду Комнину [270] - деревни вокруг Черной горы. Найдя у него по прошествии некоторого времени якобы упущения - ложный и незначительный повод к этому, он все отобрал, а самого задушил.

3. А весной того же 70 года [271] султан отправился в Великую Влахию и устранил там то, что предпринималось против него. [272]

4. А по возвращении он собрал армаду и, отправив ее против Лесбоса, захватил его.

5. А в ноябре 71 года [273] после набега Амара, сына Турхана, он захватил всех венецианцев вокруг Навпактоса и его пригорода Галаты - столько же, сколько будто бы Фламбулос из Малой Влахии тех, кто платит харадж.

6. Узнав об этом, капитан венецианских галер поспешил на помощь. Став напротив принадлежащего султану города Востицы, он сжег и захватил все, кроме одной башни, и, привезя жителей Востицы в Навпактос, обменял их на своих. И уже было задумано сражение, которое даст султану венецианское государство, так как оно всеми способами было связано с властью и правительством Мореи.

7. Это событие послужило началом кампании. И прибыл сам генерал-капитан Алоизо Лоредан с огромным войском и снаряжением, взял Эксамилион и отстроил его, но плохо из-за спешки. Ибо в поспешности нет надежности, как говорят. А затем, когда после сражения за Коринф его надежды не оправдались, он ушел, бросив и Эксамилион.

8. В 72 году [274] венецианцы овладели Монеувасией не столько по воле и милости ее хозяев, сколько из-за никчемности управляющего ею архонта, совершенно так же, как из-за негодности и неудачливости управляющего была взята хитростью крепость Лемноса, называемая Палеокастрон, или вернее именно эта его башня. И притом она была отдана венецианскому государству случайным иностранцем; а после этой крепости, конечно, была решена судьба и всего острова.

9. Однако когда этот капитан попытался завоевать Лесбос, ему это не удалось, и он уехал ни с чем.

10. И весной 73 года [275] деспот кир Фома, послав людей, потребовал, чтобы его сыновья и дочь приехали туда, где был он. Так и было сделано. И когда они на корабле достигли Анконы, он только услышал, что они доехали, но увидеть их не успел, ибо 12 мая, находясь в Риме, умер 56-ти с небольшим лет.

11. Они же, побыв недолго в Анконе, после того, как за ними послал папа, [276] благодаря заботе, старанию и помощи достойнейшего кардинала, константинопольского патриарха Виссариона, [277] прибыли жить в Рим, в тот самый дом, который был у их отца. И старшего сына, кир Андрея Палеолога папа провозгласил деспотом.

12. В 74 году, 15 октября [278] умер наш духовный отец, брат и лучший друг Дорофей, ушел радостный на небеса, оставив нам скорбь утраты по нему.

XLIII, 1. А я, вынуждаемый бедностью, выехал 18 апреля [279] и 17 мая прибыл в Анкону. А 1 июня я снова выехал и отправился по дороге в Витербо, так как мы узнали, что там на горячих источниках находится кардинал. [280] Через 9 дней мы добрались до Рима и провели 36 дней в доме моих господ деспота кир Андрея и автендопула кир Мануила Палеологов. В эти дни я поклонился могилам блаженных апостолов Петра и Павла и многих других святых, похороненных там.

2. И осмотрев достопримечательности в великом, знаменитом и древнем городе, я выехал 16 июля и по прямой дороге приехал в Анкону. Побыв недолго там, 28 числа я морем приехал в Венецию. И пробыв там в монастыре Креста 26 дней, то есть до 23 августа, в этот день поздно выехали мы с богом оттуда и 5 сентября 75 года [281] прибыли сюда, на Корфу.

3. Пока мы были в окрестностях Рима и в самом Риме, глава нечестивых султан выступил против Албании и, преследуя ее правителя Скандариса, захватил и разрушил страну. И построив вблизи ее

главной крепости, называемой Круя, крепость для борьбы против нее, вернулся в окрестности Константинополя.

4. И летом того же 74 года Виктор Капелла, ставший капитан-генералом, отправился на Имврос и, напад, захватил его. И снова, приехав в Афины, захватил всю местность. А придя в Старые Патры, приблизительно в августе взял и эту местность.

5. Когда же им на помощь устремился Амар, адмирал с армадой и Михаил Исис Рауль с множеством хороших воинов силой обратили его в бегство и многих из его войска убили. И хотя ромеи, лучше знающие и местность, и их, не советовали, они долго преследовали, не учитывая данных обстоятельств дела. Но отважный адмирал, показавшийся им скорее упрямым - как не преследовать? - и преследовал, не зная ничего хорошенько, вплоть до мельниц Саравалио и дальше к высоте Сидерокастро.

6. Амар же, видя их несвоевременное, бесполезное и беспорядочное преследование, оставил в нескольких местах людей, затем повернул против них, обратил их в бегство и стал преследовать, а настигнув, убил адмирала, сидевшего на муле и дважды с него упавшего. И многих других убили, а того Михаила Рауля схватили, когда у него пала лошадь, и посадили на кол. И наконец, когда победители прибежали к берегу, где стояли галеры, многих, оказавшихся на суше, перебили.

7. И заподозрив, что причиной выступления против них армады был митрополит Старых Патр, они схватили его и посадили на кол.

8. Претерпев такое, проигравшие и ни с чем члены армады возвратились. Огорченный капитан, находившийся на Эврипе, от происшедшей неудачи, тяжело заболел, умер, а капитаном стал Яков Лоредан, сын того Петра Лоредана и двоюродный брат прежнего капитана Алоизо Лоредана.

9. Но это произошло зимой наступившего года, а патрасская экспедиция была в августе, до осени.

XLIV, 1. 29 марта 75 года, когда наступила наша великая Пасха, [283] испустил дух виновник всех бед Морей Матфей Асан. [284] И вот, наконец, исполнилась песнь Давида: «Да восстанет бог и да расточатся враги его, и да бегут от лица его ненавидящие его».[285]

2. И когда это произошло, как мы слышали от некоторых, деспот отослал свою пенсию, получаемую от султана, и доход от службы в войсках, говоря: «Я стар и слаб, исполняющий службу умер. Поэтому пусть большой доход будет передан, кому ты назначишь, мне же пусть будет дано столько, чтобы я жил, сидя здесь, вместе с немногими». Султан ответил: «Хорошо говорит, пусть же расстанется, с кем захочет». И он расстался. И султан дал ему 50 тысяч аспров [286] от торговли мукой, а большинство подчиненных его решил забрать, чтобы они находились в Константинополе. Другие же говорили, что все было иначе, и мы собираемся разузнать и рассказать об этом.[287]

3. Летом того же года в Константинополе, Адрианополе, Каллиполи и в крепостях, селах и деревнях вокруг них начался мор, какого не было уже много лет. Ибо умерло, как говорят, много не тысяч, а десятков тысяч людей, и среди них дочь деспота.[288]

XLV,1. В ноябре месяце 76 года [289] я приехал на Агиомавру по побуждению василиссы кыры Елены, тещи господина той местности кир Леонарда, [290] чтобы рассмотреть эту местность и тамошних людей и якобы получить от племянника моего покойного господина василевса кир Константина за величайший ущерб, понесенный мною из-за его отца, как я поведал выше, под 38 годом, [291] какое-нибудь ежегодное пособие как старик слабый и обнищавший из-за плена. А вернулся я в 22 день того же месяца, все низкое увидев и получив, кроме превосходства в этом незаконнорожденном племени [292] всякого его начальства. Управляемым же следует уподобляться правящим.

2. И в январе того же года [293] умер господин Албании Скандарис [294] естественной смертью. А часть страны и его владений захватило государство венецианцев, часть же - сын его сестры, турок, посланный им к султану.

3. А с середины весны 76 года [295] и все лето я плохо чувствовал себя из-за своей обычной болезни - ревматизма, а так как и мирские одежды мои износились, в 1 день августа месяца мы надели рясу и взяли имена - вместо Георгия Григорий, а вместо Елены Евпраксия, дав свое первое исповедание веры в бога, звучащее так:

4. Верую, что сын божий был не временной тварью, по безумному Арию, но единосущным и совечным с богом-отцом, истинным богом от истинного бога, создателем времен и всех тварей, позже воплотившимся ради нас от Святого Духа и вечной девы Марии.

- Верую, что святой дух - не творение и не другая сущность отца и сына, как богохульствовал Македоний, лишенный его благодати, но истинный бог, единосущный и совечный с отцом и с сыном, могущий исходить от отца к сыну, как и сын, от него рожденный. - Верую, что не существует один божий сын прежде всех веков, а другой - рожденный от девы Иисус Христос, как богохульствовал безумный Несторий, но что рожденный от нее есть два естества в соединении, по божественной же ипостаси - конечно, единое целое; и поэтому родившая его - подлинно и истинно Богородица, а не Христородица, согласно этому безумцу. - Верую, что сын божий после вочеловечения не соединял в одно два естества, по безумным Диоскору и Евтихию, которые приписывали страдания божеству, но что и после соединения он признается в двух естествах неслитно и что не существовали души прежде тел и что нет ни конца мукам, ни прощения демонам, как по безумному Оригену. - Верую, что сын божий господь наш Иисус Христос после вочеловечения имел не одной природы волю и одну энергию, как по римскому Онорию и безумному Пирру, но две воли и две энергии, а именно - божественную и человеческую энергию и волю, и ни одна его природа не лишена воли и энергии. - Верую, что иконописные изображения почитает и одобряет божья церковь, не обожествляя, а соотнося, воздавая поклонение не материи, но прототипу, ибо почитание иконы переходит на прототип, согласно великому Василию. - Верую, что божественная природа не бездеятельна и не лишена существенных энергий и что сущность и энергия в ней не одно и то же, и что они не сотворены, согласно безумным Варлааму и Акиндину, но что божественные энергии существенны, и они иные у этой сущности и несотворенные и присущи божеству. - Признаю твердо, что святой дух не исходит одновременно от отца и сына, согласно итальянцам, но единственно от самой ипостаси отца, как, безусловно, и сам сын единственно из этой ипостаси отца рожден, но отцом и сыном посылается дух, какой ниспосылает сама благодать и дар его.[296]

XIVI, 1. А осенью 77 года [297] жена деспота Сербии василисса кира Елена Палеологина [290] уехала в государство Венеции, возбудив дело против расхитителей ее состояния на Корфу.

2. И весной того года произошло много сильных землетрясений на Агиомавре, на Кефаллинии и на Закинфе, которые многое там разрушили; а крепость Кефаллинии вся совершенно рухнула, и погибло много людей.

3. Летом того же года [298] капитан венецианских галер Николо де Каналия отправился и захватил большой Энос. А вернувшись, прибыл в Морею и в то же лето отстроил Востицу.

4. А зимой 78 года, [299] 25 января, на всем острове выпало столько снега, сколько жители Корфу никогда не видели, так что на лисиц и зайцев охотились голыми руками, и не только в западной части, но еще больше в восточной.

5. К концу весны предводитель нечестивых, двинувшись против Эврипа, к концу месяца июня прибыл туда. А его флот, находившийся в Каллиполи, прежде чем выступить совместно с ним, отправился морем на Лемнос и захватил Коцинос и все деревни, находящиеся на острове, кроме Палеокастроны и гавани, и возвратился.

6. А когда подошли корабли из Константинополя и Никомидии и отовсюду, где были, в Эврип прибыл и этот флот, увидев который командующий венецианской армадой отступил, возможно, поступив хорошо. Но плохо, что он не бросил силы в Эврип. Приближающийся же флот султана по пути захватил Имврос. Затем он прибыл в Эврип, в том же месяце, что и сам султан, и энергично сражаясь на суше и на море, в 12 день месяца июля они взяли крепость штурмом. И после этого все островки и крепостцы вокруг волей-неволей покорились. Султан же, переждав немного, к началу августа уехал и отправился в Константинополь.

7, А бейларбея своего он отпустил и тот явился в Морею. Он прибыл в правостороннюю часть со стороны моря, и когда проходил около Востицы, одни господа из нее бежали, а другие поклонились и отдали ее ему. Когда он прошел дальше, подобным же образом поступили в Вумеросе, в Олене, в Хелидони и в Понтикосе. И что только было на побережье, они либо разрушали до основания, либо захватывали. Но дойдя до принципата, он возвратился и уехал из Мореи.

8. А упомянутого капитана Николо де Каналия, послав другого капитана, Фому Мучениго, схватили и самого, и его сына, и его секретаря, и заковав в цепи, в начале осени 79 года [300] отправили к своему господину.

9. В тот же год... числа... месяца [301] в Адрианополе умер деспот кир Димитрий, ставший монахом и взявший имя Давид. А за несколько лет до него умерла его дочь. А через некоторое время после него умерла и его жена василисса.

10. А в день 26 месяца июля 80 года [302] я заболел той же болезнью, так что меня полностью сделали монахом и великосхимником, причем я происходящего не понимал.

11. А осенью 81 года, [303] возвращаясь от короля Франции и герцога Бургундии, 15 ноября, умер по дороге кардинал кир Виссарион, посланный от имени церкви, чтобы помирить их. Привезя в Рим, его с величайшими почестями похоронили в храме святых апостолов - именно там он заранее оставил и приготовил себе могилу рядом с могилой свягой великомученицы Евгении.

XLVII,1. А к весне того года [304] на владения султана Мехмеда напал Зухасан [305] и проник в его земли в Анатолии, и тогда султан выступил из Константинополя и пошел против него со всем своим войском. И когда сошлись, сначала тот одержал верх над войском султана, которое вышло вперед против него. В этом бою он убил бейларбея Запада, сына того самого Фомы Гидиса Палеолога, и многих других из западных архонтов и правителей. Затем, встретившись лицом к лицу с султаном, он был побежден и, повернув, отступил на свою территорию. Султан тоже повернул и отправился в Константинополь.

2. А к концу июля того года венецианское государство захватило крепостцу недалеко от Корфу, называемую Строфили.

3. А 7 ноября 82 года [306] умерла на Агиомавре василисса кира Палеологина, ставшая монахиней и переименованная в Ипомони.

4. А 9 декабря умер находившийся с нами иеромонах и духовник кир Иерофей, который, приняв великую схиму, был переименован в Иосифа. С юности он был нам товарищем и другом до самой смерти.

5. А летом 83 года [307] предводитель неверных, собрав большую армаду, послал ее в верхнюю часть Черного моря и взял большую крепость, называемую Кафа.

6. А летом 84 года [308] он со всем своим войском пошел против Влахии, и в сентябре 85 года [309] возвратился более побежденным, чем победителем. [310] И отправил бейларбея в Софию, а сам явился в Адрианополь и, проведя там несколько дней, выехал и отправился в Константинополь.

XLVIII,1. В том же году, в 1 день месяца октября меня поразил ревматизм в голову и в колени, и из моего рта, носа и ушей вышло столько жидкости, что в моем выздоровлении отчаялись. И трижды меня, недостойного, причащали к святым таинствам. И если бы тогда явилась ко мне смерть - исцеление от всех моих несчастий, я имею в виду старость, недуги, отсутствие не только многих благ, привычных с юности, но почти самого необходимого, если только претерпевание столького и благодарность богу по милости бога не станут причиной, чтобы он простил многое, в чем я виновен перед ним. Ибо не было в жизни греха, деяния, зла, которого не совершил бы я, несчастный, по замыслу, по решению, по желанию, греша и решением, и мыслью, и делом, как никогда и никто другой.

2. Однако, избавившись от смерти, я долго оставался глухим, так что не слышал даже близких колоколов, к тому же и неподвижным из-за боли в ногах. Осталось же надеяться на провидение

вверху или на то, что по прошествии нескольких дней я избавлюсь от таких страданий или что придет ко мне смерть и человеческий покой, как возвестил божественный Иов.[311]

3. Но я молю бога так: если мне, спаситель, необходимо страдать, - ибо кто знает глубину твоих суждений? - но ведь твоему человеколюбию, как будто, противны мои страдания. К тому же ты поступишь по самой справедливости, дав мне подвергнуться каре в имеющийся остаток времени, но не в грядущей бесконечности, где вещи не изменяются. Поэтому, очистив меня здесь, пользуясь всем, что к этому приводит, ты таким образом переместишь отсюда достойного не быть лишенным твоего милосердия во второе и страшное твое пришествие.

4. Летом того же 85 года [312] предводитель нечестивых послал большое войско против Навпактоса, чтобы оно его захватило, а затем отправилось на Агиомавру. Но, с божьей помощью, оно ни Навпактоса не захватило, ни против Агиомавры не пошло, а возвратилось ни с чем.

ПРИМЕЧАНИЯ

По изданию: Георгий Сфрандзи. Хроника / Перев. и прим. Е.Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Т.5. 1987. С.187 - 240.